

Ольга Брюс

Потерянные судьбы

роман

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Ольга Брюс

Потерянные судьбы. Роман

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Брюс О.

Потерянные судьбы. Роман / О. Брюс — «ЛитРес: Самиздат»,
2021

ISBN 978-5-532-95976-7

Роман «Потерянные судьбы» написан в 2021 г. В основу сюжета легли реальные события, произошедшие с семьей Нюси Грищенко из хутора Бураковский. Из книги вы узнаете, как складывалась судьба Нюси. Прочтёте о её первой любви, об отношениях с соседями и о том, как её разыскивала родственница Устинья. Вместе с героями книги вы будете плакать и смеяться, мечтать и наслаждаться воспоминаниями о прошлом. Это поучительная история о том, как не потерять себя и своих близких. Жизнь коротка — задумайтесь об этом. Имена персонажей изменены. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-95976-7

© Брюс О., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Детство	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	26
Глава 4	33
Глава 5	37
Глава 6	47
Юность	50
Глава 7	50
Глава 8	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Ольга Брюс

Потерянные судьбы. Роман

Большой хутор с «овощным» названием Бураковский расположен на Кубани в Краснодарском крае.

Уютное местечко с приветливыми жителями, готовыми прийти на помощь соседу, с благоухающими садами, где цветут по весне огромными белыми шапками плодовые деревья. Когда приходит время, деревья расстаются с белоснежными уборками, и цветы ложатся на землю, как покрывала, украшая собой почву. Всё вокруг становится ярким, белым, будто зима пришла в хутор в конце весны. Хаты, именуемые мазанками – домами, построенными из подручных средств: больших веток, хвороста и обмазанными глиной, смешанной с известью, полбвой и навозом – напоминали белые грибы с коричневыми шляпками. Чтобы смесь получилась однородной, ее топтали ногами в яме.

Шифера не было, поэтому крышей для хаты служили снопы из камыша. Мазанки очень теплые, несмотря на то что пол – голая земля, покрытая толем.

Посреди дома расположилась больших размеров печь. В ней готовят обеды и ужины. Она служила и своего рода «баней». Рядом ставилось корыто, чтобы помыться.

Обычная обстановка: деревянная мебель, посуда, образа святых в углу, украшенные вышивкой, лампадка, маленькие занавески на окнах.

Окна мазанки с улицы украшались наличниками, окрашенными разноцветной краской. На ночь они закрывались ставнями.

Вся территория хозяйских угодий отделялась от соседей дощатым забором или же плетнём.

На участке расположен погреб, где хранились заготовки на зиму: сало, мясо, сушеные грибы, яблоки и картофель.

На грядках выращивают цибулю, огурцы, гарбузы. Почти в каждом дворе растёт шипшина – лакомство для ребятишек.

Широкие, длинные улицы огибают весь хутор, переплетаясь с рекой Левый Бейсужёк.

Детство

Глава 1

Хата семьи Грищенко стояла на улице Октябрьская. Кубанская хатка небольшая, скромная: комната и кухонька с пристройкой.

Здесь и родилась Нюся в далёких сороковых...

Детство и юность были обычными, как у всех здешних детей. Огород и домашняя скотина забирали всё свободное время.

Всё лето родители Нюси работали на пастбищах да на пашнях. Другой работы для Марии и Ивана просто не было, так как были супруги малограмотными.

Нюся же помогала по хозяйству.

Шутка ли, сколько всего нужно успеть: накормить и напоить поросят, кур, овец, подоить корову. Выполоть грядки, полить огурцы с капустой, присмотреть за младшим братом... Так что играть с соседскими ребятишками было некогда.

Вовка-младшенькой, как называла его мама, рос неуправляемым озорником: то коленки разобьет, прыгая по канавам, то выпустит овец из хлева, то убежит со двора – ищи его по всему хутору. Но ему всё спускалось с рук, мама его жалела, он же «младшенькой».

А вот Нюся частенько получала нагоняй за провинности брата:

– Ты старше, ты должна за ним приглядывать... – приговаривала Мария.

Обидно было девчонке за такое отношение, но ничего не поделаешь, старше, так старше.

Нюся не чуралась никакой домашней работы: таскала яблоки ведрами с собственного сада, мыла их, очищала от кожуры, разрезала на тонкие дольки и раскладывала на газеты, расстеленные на замызганных досках. К вечеру газеты заносили в хату, дабы не намокли от росы и не были растасканы птицами. А утром снова выносили на солнышко.

– Не забывай их ворочать, – говорила мать, собираясь на пастбище.

– Не забуду, – прищурился левый глаз от утреннего солнечного зайчика, просочившегося через щель закрытой ставни, пробурчала дочь.

– И не забудь прикупить две буханки хлеба. Мы возвратимся поздно. За братом гляди. Вечерять садитесь без нас.

– Ладно, – ответила девочка, собирая на стол плошки, чтобы накормить Вовку-озорника.

Нюся росла очень трудолюбивой, отзывчивой и заботливой девочкой. Любила красоваться перед зеркалом и разглядывать свое миловидное личико.

– Красота! – улыбнулась своему отражению девчушка и выбежала во двор.

Но больше всего любила петь народные песни. Бывало затянет тоненьким голоском:

Полюшко, поле,

Полюшко, широкое поле.

Едут по полю герои,

Эх, да Красной Армии герои.

Девушки плачут,

Девушкам сегодня грустно.

Милый надолго уехал,

Эх, да милый в армию уехал...

Все соседи заслушивались, какой звучный голос у Нюськи.

Подружки ей завидовали, но виду не подавали – жили дружно. Мальчишки восхищались ею.

– Нюсь, а Сашка тебя любит, – усмехались девчонки.

– Да ну вас, – краснела Нюська.

– Ню-юська! – из-за забора выглянули соседские ребяташки. – Пошли на речку купаться!

– Никаких речек, позже, – строгим голосом ответила Мария, выходя из сарая. – Нюся сейчас занята.

Девочка в это время полола грядки. Подняв голову, не успела поздороваться с друзьями, как они уже уходили. Нюся молча проводила их взглядом.

– Ма-ам! Сколько нужно исчо прополоть? – торопилась поспеть за ребятами.

– Ещё две гряды с цибулей и могёшь итить, – мама процеживала коровье молоко. – Младшенького с собой возьми.

– Ну, мам, эта гадына меня не слушает, – расстроилась дочка. – Он от меня убегает, а потом ищущу... Этот узвар прячется в камышах...

– Маленький ишо, не вразумет... Ты поласковой с ним, подрастёт – ума наберётся...

– Уф, – громко выдохнула Нюся, волоча ведро с сорняками ближе к сараю. – Кур-кур-кур...

К месту, где девочка опрокидывала ведро, сбежались куры. Растаскивая травинки и глотая на ходу, тут же разбежались в разные стороны.

– У нас в сарае квочка, ты уж осторожней тама, када кокушки будешь подсобировать. Не трогай её...

«Будут махонькие, жёлтенькие...» – про себя обрадовалась девочка.

Нюська очень любит животных, особенно их детёнышей. Месяц назад отец принёс в дом двухмесячного щенка неизвестной породы, так девчонка взяла над ним шефство.

– Волкодав вырастет, – улыбался Иван. – Будет мне подсоблять на пастбище.

Нюся холила и лелеяла нового члена семьи. Кормила свежим молочком из деревянной плошки, выводила гулять на улицу и пыталась научить командам, но несмышлёныш не понимал, что от него хочет этот маленький человек в сарафане.

– Кутенёнок мой, – гладила по гладкой чёрной шёрстке на спине и целовала в мокрый холодный нос. – Будешь Чернышом.

– Неча баловать, – отцу не понравилась чрезмерная опека над будущим сторожем. – В будку, на привязь. Ты ж его пэрэпаскудышь, який из него охранник будет?

С тяжёлым сердцем Нюся завязывала верёвку на шее друга.

– Маленький мой, теперь это твоя хатка, – обняла друга, поставила перед ним плошку.

Дополов грядки, Нюська встала, потянулась и бросила взгляд на маму, развешивавшую только что постиранное бельё на верёвку.

– Чаво глядишь? Усё повыдергала?

– Усё-ё, – протянула девочка. – Мам, я на речку...

– Иди. А ты Черныша кормила?

– Ой, не... – Нюся быстренько помыла грязные руки в корыте, предназначенном для поливки.

Забегала в хату, открыла чугунок с варёной картошкой. Достала три картофелины, размяла их, добавила кусок хлеба, всё это залила молоком и понесла обед щенку.

Черныш сидел в будке смиренно, не обращая никакого внимания на опекуницу.

– Ешь, мой маленький, – Нюся поставила плошку перед щенком и присела на корточки. – Ну, шо ты?

Девочка протянула руку, чтобы погладить по голове. Неожиданно Черныш клацнул зубами.

– Ой, ты шо? – девчущка одёрнула руку и упала назад. – Ма-ам! Он меня чуть не цапнул! Он мыла наелся, вон, пена течёт!

– Який ты... – подошла Мария к будке и наклонилась. – Хворый наш Черныш, Нюсенька.

Черныша закопали за сараем, под кустами засыхающей чёрной смородины.

– Чумка, етить колотить, – ругнулся Иван, очищая лоток лопаты от земли сорванным пучком травы. – Такого волкодава упустили.

– Не плачь, Нюсенька, – успокаивала разревевшуюся дочку Мария. – На то воля божья, шо поделашь.

Нюся вытерла лицо и тихонько поплелась в хату. На полу в комнате сидел пятилетний Володька и складывал из спичек конус в виде халабуды.

– Ты шо делаешь? – поинтересовалась девочка у брата.

– Не бачишь? Костёр собираю, – довольный мальчишка продолжал складывать воображаемый хворост.

– Я тебе чичас покажу, костёр! – закричала Нюся, собирая рассыпанные спички. – Я тебе задам!

– Отдай! – мальчик зажал коробок в руках и начал кусаться. – Я усё батьке скажу!

Володька прокусил сестре запястье и выбежал на улицу со слезами на глазах.

Следом бежала Нюська.

– Я тебе задам! – кричала девочка, пытаясь догнать брата.

– Папка! – мальчик подбежал к отцу и спрятался за ним. – Она меня лупсует!

– Воротайся! – Нюся подлетела к Вове.

– А ну, стоять! – отец схватил за руку дочь и резко развернул к себе. – Ты пошто Вовку тюкаешь? Шо ни день, то вопли от мальчика! Кажний день он жалится...

Не разобравшись, в чём дело, Иван схватил толстый прут, которым погоняют корову на пастбище, и с силой ударил девчонку по руке. Нюся взвыла от боли. Схватившись правой рукой за то место, куда пришёлся удар, побежала за сарай на поляну, расстилавшуюся от заднего двора до самой реки Левый Бейсужёк. Девочка села на траву и горько заплакала.

– Вот увидите, он вам ишо покажет Кузькину мать! – рыдала Нюся. – Не любите меня и не надо!

Немного успокоившись, девчонка повернула голову направо и увидела красивый синенький цветочек.

– Волошка, – улыбнулась Нюська, понюхав лепестки, напоминавшие маленькие колокольчики, воткнутые в сердцевину по кругу.

Послышалось жужжание рядом с ухом. Девочка всполошилась и махнула рукой, отпрыгнув в сторону. Это шмель подлетел к васильку. Немного покружив над цветком, улетел в сторону хаты Грищенко.

– Домой надодобно идти, – пробурчала Нюся, вставая с примятой травы.

Рука ещё ныла от жёсткого прута. Девочка потёрла красную полоску на предплечье, оценила следы укуса родного брата на запястье и медленно зашагала в сторону мазанки.

– Садись вечерять, – Мария наливала щавелевый суп в плошки. – Вова, не скачи.

Володька ёрзал на деревянной табуретке и никак не хотел сидеть смиренно.

– Доешь и пойдёшь с сестрой на речку, – мать попыталась уговорить сына.

Поужинав, дети собрались на реку. Пока шли до места, где ребяташки собирались, Вовка, пиная камешек по дороге, упал и разбил коленку. Чтобы не возвращаться домой, Нюся нашла подорожник и, поплевав на целебный листок, приложила к кровоточащей ранке.

– До свадьбы заживёт, – гордо добавила сестра, представляя, будто она спасла брата от неминуемой гибели.

На берегу реки собрались мальчишки и девчонки разных возрастов. Кто-то уже вовсю купался, кто-то лежал на берегу, принимая солнечные ванны.

– Поплыли наперегонки? – предложил Сашка, стягивая шорты. – Витька будет считать.

– До пяти? – уточнила Нюся, снимая сарафан.

– До пяти...

– Вовка, сиди тут и ни шагу, иначе... – пригрозила кулаком сестра, подходя к воде.

Ребята зашли в реку по пояс и начали грести руками, стараясь обогнать друг друга.

Через полчаса в хату Грищенко прибежала местная девочка Глаша.

– Тётъ Маш, ваш Володька утоп! – пыталась отдышаться девчушка.

Мария побежала к реке сломя голову. Все чувства перемешались внутри, в голове только одна мысль: «Енто не моёт быть, он же воды боится... Енто не мой Володька». Позади спотыкалась Глашка, стараясь догнать женщину.

Добежав до берега, Маша остановилась.

– Володя! – закричала, что есть мочи. – Сынок!

Ребятишки смотрели на мать Володьки с удивлением.

– Чего? – из зарослей камыша вышел мальчишка, вытирая нос. – Енто усё Нюська...

У женщины на несколько секунд потемнело в глазах от пережитого волнения. Её слегка качнуло в сторону. Тут же сообразив, Мария резко стянула с головы косынку, быстренько скрутила в жгут и начала лупить бессовестного сына.

– Нюська? Нюська, гутаришь? – держа за руку сорванца, лупила, куда попало. – Девке достаётся почём зря? Ах ты ж, якый гадына! Я тебе сейчас всю дурь выполоскаю! Ума поприбавится!

Вовка визжал и прыгал, пытаясь увернуться. Мария схватила ребёнка за ухо и поволокла домой, попутно ругаясь.

– Я же говорила, гдей-то в камышах сидит, – Нюся вылезла из воды и села на берегу, уставившись на уходящих маму и брата.

– Дура ты, Глашка! – разозлился Витька, сорвав длинную травинку, сунул её в рот. – Впервой, шо ли? А ты – утоп-утоп...

– Ага, делай из меня виноватую, – обиженная Глаша отошла от мальчика подальше. – Забыли, чё ли, как у тёти Нюры Мишка захлебнулся? А вы усе – всплывёт... Это вы виноватые, а соврали, шо сам...

Ребята опустили головы и замолчали.

Прошлым летом эта же дружная компания во главе с Витькой решила сплавать на чужой лодке до середины реки, чтобы посмотреть на рыбёх и понырять за ними. Мишка не умел плавать. Ребятишки решили научить друга верным способом.

– Я вам точно гутарю, поплывёт. Так батька мой рассказывал – его сёстры скинули, он и поплыл. Сразу научился... – Витя был уверен в своих словах.

– Боязно, – трясся от страха Миша. – А ежели меня водяной утащит?

– Тю, – Саша подтащил лодку поближе к берегу. – Взрослый ужо, шоб верить во всякие бабкины бредни.

– На абордаж! – командовал Витька и первым залез в лодку.

Ребятишки тут же последовали за ним. Миша залез последним. Доплыв до середины реки, Саша сложил вёсла. Мальчишки переглянулись.

– Ну шо, сигай! – Витька был непреклонен. – Али трусишь?

Миша встал у края лодки, глаза бешено забегали. Снял шорты. Ноги будто вросли в деревянное дно.

– Долго исчо? – Витя подошёл к мальчику. – А ну, давай!

Толкнув Мишку в спину, чуть сам не упал в воду. Миша закричал от ужаса.

– Плыви, плыви! – подбадривали мальчишки, показывая, как нужно грести руками. – Вот так!

Миша побарахтался несколько секунд и скрылся под водой.

– Надо прыгать! – закричал кто-то из ребят. – Потопнет ведь!

– Погодь, – Витя смотрел на разводы, наклонившись. – Рано ишо. Ща выплывет.

Но Мишка так и не выплыл. Никто из ребят не полез в воду спасать друга, испугались.

– Мы не виноваты! – психанул Витька, сощутив глаза. – Никто не виноват! Понятно?

Глашка молча развернулась и пошла в сторону дома, где её ждали неприятные новости.

В хате Трофимовых разгорелся жуткий скандал. Закрывая за собой дверь, Глаша тихонечко вошла в кухню и спряталась за печкой.

– Я ей всей космы повыдергаю, – кричала мать Глашки. – Я её, падлюку такую, со свету сживу...

Девочка зажмурилась и закрыла ладошками уши: «Усё, мне попадёт, чичас лупить будут или, того хуже, прибьют»...

– Стешка, угомонись! Угомонись! – успокаивал жену Порфирий.

– Курва! – металась по комнате мама Глаши и что-то рвала, судя по звукам, исходящим из комнаты. – Пущай тока она попадётся мне на глаза!

У Глашки тряслись коленки от страха. Что теперь делать? Заходить в комнату страшно. На улицу? А дальше что?

– Ты чаво здесь? – где-то рядом послышался голос матери. – Оглохла аль не? Я кому гутарю?

Девочка открыла глаза, перед ней стояла мать с раскрасневшимися щеками.

– Мамочка, я больше так не буду, – еле слышно произнесла Глаша, роняя слёзы.

– Шо опять сотворила? Признавайся! – Стеша сложила руки на груди и сжала челюсти.

– Я... я...

– Шо ты? Ну?!

– Я сказала, чё Вовка... – девчонка глотала слёзы и сопела носом, пытаясь выдавить из себя хоть слово.

– А-а, утоп, шо ли? Знаю я уже об ентом случае. Видала, як Манька гнала сваво домой.

– Ты не будешь мне космы драть? – Глаша перестала плакать.

– А тебе-то за шо? Енто ж не ты с Тамаркой Гориной по сеновалам... – Стеша тут же замолчала и со злостью посмотрела на мужа. – Иди погуляй, донюшка. А я тут пока с папкой твоим погутарю...

Довольная девочка выбежала на улицу и отправилась к Нюське. Добежав до мазанки семьи Грищенко, тихонечко отворила калитку и огляделась. Убедившись, что тётки Маши нет поблизости, перебежала через огород и напрямиком направилась на поляну, где дети обычно собирались после купания в реке.

– Пришла, вруниха, – Сашка, завидев приближающуюся Трофимову, предупредил всю компанию.

– И ничего не вруниха... – радостная Глашка присаживалась рядом с Нюсей.

– До дому надобно собираться, – вздохнула Нюська и встала, поправляя помявшийся сарафан.

– Подожди, – потянула за подол подружку Трофимова. – Спросить чё хочу...

Нюся опять присела на траву.

– Дома мамка ругалася на батьку. Я-то домой прибёгла, слушаю – мамка кричит, как наша Бурёнка, када домой с поля возвращается...

– Давай быстрее, – поторапливала Нюся любительницу рассказывать всякие случаи до мельчайших подробностей.

– Ну дык вот, – Глашка сглотнула и продолжила. – Я за печкой спряталася, уши зажала, но усё услышала, как же ж тут не услышать, када она так орёт...

– Глашка! – вскочила на ноги Нюся. – Коротенько давай! Некогда мне!

– Торопливые вы усе, аж тошно, – девчонка состроила задумчивое лицо и подняла голову к небу.

По надвигавшимся чёрным тучам стало ясно – скоро пойдёт дождь.

– Ну, я и гутарю, мамка... Ай, ладно. Она сказала, шо Тамарка Горина по сеновалам... а дальше я не знаю...

– С батькой твоим, шо ли? – неожиданно для всех выпалил Витька и, обернувшись, с ухмылкой посмотрел на Глашку. – Да ну-у...

Ребята переглянулись и замолчали.

– Чё? Как енто? – удивилась Трофимова, не понимая, о чём речь.

– Как-как, известно, как! – расхохотался Паша. – Про тётъ Тому усе в округе знают! Часто слушаю, как мамка соседкам через забор все новости докладает.

В небе сверкнула молния, следом ударил гром. Несколько секунд, и ребятишки почувствовали мелкие капли на лице.

– Побежали! – крикнула Нюся.

– Кто последний, тот тухлое яйцо! – подхватил Сашка.

Дети повскакивали со своих мест и ринулись по домам.

Глава 2

Октябрь.

Мария ранним утром разбудила детей. Накормила свежесваренным киселём и варёной картошкой. Пора поторапливаться. Сегодня Маша едет на уборку сахарной свеклы.

– Нюся, собирайся шустрее, чичас Потапыч на подводах прикатить.

Девочка доела завтрак и натянула старенькую телогрейку.

– Где мои бурки? – засуетилась Нюся, разыскивая глазами пропажу.

– На печке, чичас достану, – Мария отодвинула пожелтевшую от жара шторку и протянула руку. – Топай аккуратней. В грязь не лезь, а не то босиком в школу будешь бегать. Денег нету. Щас Вовку одену и пойдёте...

– Понятно, – девчушка обулась и повязала выеденный молью платок.

В самом конце улицы Октябрьской, на перекрёстке, собирались дети разных возрастов с ближайших улиц, ожидая деда Потапыча. Пожилой мужчина пригонял лошадь, запряженную в телегу, ребятишки усаживались на старую солому. Старшие сажали на колени младших. Дождь ли, снег, а учиться надо. Посвистывая, дед подгонял свою кобылу, детишки весело перешёптывались, а Нюсенька запевала русские песни:

*Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза.
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.*

*Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой,
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.*

*Ты сейчас далеко-далеко,
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти – четыре шага...*

– Нюся, не нагоняй тоску, шибко за душу дерёт, – обернулся Потапыч, держась за поводья. В его глазах блеснули слёзы.

Нюся поняла, что этой песней растеребила грустные воспоминания у деда, и замолчала. Все в округе знали, что дедушка Потап Потапыч потерял всю семью на войне, так и живёт с тех пор он один-одинёшенек. Немного помолчав, Нюся затянула частушку, чтобы разрядить обстановку.

*Гитлер вздумал угоститься —
Чаю тульского напиться.
Зря, дурак, позарился —
Кипятком ошпарился.*

– Во даёт девка, – рассмеялся извозчик. – Артистка...

Всю дорогу Нюся веселила своих попутчиков разными частушками, пока лошадь не довезла пассажиров до белого длинного здания.

– Тпру-тпру, стоять! – дед слегка потянул на себя поводья и с улыбкой дал команду детям, как бравый солдат. – А ну, выгружай мальцов! Станция Детский сад!

Детишки с весёлым визгом спрыгнули с телеги. Отвели своих младших братьев и сестёр в сад, передали в руки воспитательницам и вернулись обратно.

– Следующая станция – Школа, – Потапыч слегка приударил лошадь прутом.

– Я домой хочу, – ворчал Володька Грищенко, расстёгивая пуговицы на фуфайке.

– Началось... – вздохнула нянечка и крикнула куда-то в сторону. – Томка, забирай малого...

В раздевалку вошла молодая женщина в белом халате. Присела на лавку и помогла мальчику снять шапку.

– Володенька, ты плохо себя чувствуешь? – улыбалась воспитательница.

– Я спать хочу... – Вова нахмурил брови.

– Будет время для сон-часа, и поспишь... Давай ручку, я тебя в группу отвяду... – взяв ребёнка за руку, повела в другую комнату. – А кто тебя сёдня привёл? Папа?

– Папка на работе, – неохотно отвечал сын Грищенко.

Тамара молча привела Вовку к другим детям и направилась в пищевой блок.

– А обещался зайти... – вздохнула Тома.

– Нюська, большая перемена! Айда на улицу в выбеганку играть! – Сашка натягивал телогрейку на ходу.

– Слякотно... – девочка посмотрела в окно и села на своё место.

– Якыя ты... – мальчик прищурился и с недовольным лицом посмотрел на одноклассницу. – Зазналась, шо ль?

– Боюсь замараться, – Нюся прекрасно помнила материнский наказ о единственной паре обуви, которую её мать сшила собственноручно. Девочка понимала, что вещи нужно беречь и новые бурки взять будет негде.

– Тю, – усмехнулся Саша Иванов. – Ребят, погнали, ну её...

Радостные ребяташки высыпали на улицу. Крапал мелкий дождик, а детям всё было нипочём. Бегают, резвятся. Нюся минут пять наблюдала за детьми, руки чесались присоединиться к весёлым играм.

– Я тихонечко, шибко прыгать не буду, – подумала девочка и, одевшись, побежала на улицу.

– Смотри-ка, – Сашка увидел подругу, приближающуюся к толпе игроков. – А я уже подумал, шо ты не с нами. Хотел бойкот тебе объявить!

– Себе объяви, – обиженным голосом сказала Нюся и хотела было отойти в сторонку.

– Не дуйся! Лови! – Саша бросил однокласснице мяч. – Ты кидаешь, я бью...

Нюська бросила мячик Александру, тот замахнулся деревянной битой. Грязный мяч, ударившись о плоскую палку, отскочил и полетел через весь школьный двор ближе к дороге.

– Побежали! – закричал Саша, схватив Нюську за руку. – Быстрой, быстрей шевели копытами.

Девочка не поспевала за шустрым Сашкой. Запнувшись на кочке, повалилась в грязную лужу. Мальчишка остановился, подошёл к лежащей лицом вниз Нюське.

Девчушка подняла голову и заплакала. Саша помог ей подняться.

– Измазалась-то как, – пытался отряхнуть грязь с телогрейки. – Пойдём в класс, щас замоем.

Прозвенел звонок. Детишки ринулись толпой в школу.

Саша и Нюся поторопились следом. Зашли в класс. Пожилая учительница Акулина Ивановна встретила опоздавших детей строгим взглядом.

– Где были? – женщина поправила очки на носу. – Звонка не слышали?
– Извините, – насутился Саша, пропуская Нюсю вперёд. – У нас тут, вот... я хотел кружку с водой взять...

– Свинья везде грязь найдёт! – кто-то из детей решил пошутить.

Весь класс раздался хохотом. Только Нюсе Грищенко было не до смеха, она уже успела представить, как дома заругается мама, и даже представила ехидное лицо брата, который будет подсмеиваться и радоваться провалу сестры.

– Снимай телогрейку, – учительница подошла к заплаканной девочке. – Сейчас сушить будем.

Акулина Ивановна взяла свой стул и поставила возле горячей печки. На спинку повесила замызганную телогрейку.

– Просохнет, попробуем очистить, – встала возле учительского стола и пристально посмотрела на Нюсю. – Ноги тоже промочила? Снимай...

Девочка послушно стянула бурки. Женщина взяла обувь – мокрые насквозь.

– Сидите смирно, я сейчас, – Акулина вышла на улицу и направилась к ближайшей хате. Минут через десять вернулась. В руках несла похожие бурки, только выглядели они как новые.

– Надевай, – поставила перед Нюсей.

– Нельзя, – прошептала девочка. – Это же ваша вещь, мама не разрешает брать чужое...

– Теперь они твои, – Акулина встала у окна, приподняла очки и протёрла глаза.

Дети притихли. Стало ясно: всё-таки внучку учительницы вылечить не удалось.

Вернувшись домой, Нюся быстренько сняла новые бурки и спрятала их за печкой, чтобы мать не прознала о подарке. Свои же, вычищенные и высушенные, поставила у порожка. Телогрейку учительнице удалось почистить от грязи, но некоторые следы нужно было застирывать. Раздевшись, девочка пошла в комнату.

– Нюсь, ты? – послышался голос матери.

– Я... а ты чаво дома? – удивилась девчужка, увидев мать, лежащую на кровати.

– Приболела, чичас маленько отлежуся и поставлю капусту варить, – вздохнула Мария.

Женщине стало дурно на поле во время уборки свеклы. Она почувствовала резкую боль в пояснице и присела на корточки.

– Мань, шо? – подбежала Стеша. – Шо с тобой?

– В спину зикануло, – простонала Мария, пытаясь встать.

– Простудила, не иначе, – заохала соседка. – Чичас Петровича покличу, пушай домой тебя отвезёт, а с трудоднями разберёмся. На печку залазь. Я к тебе вечером зайду. Погугарить нужно.

Маша чувствовала дикую усталость.

– Нюсь, подай второе одеяло, мёрзну я шо-то.

– Мам, а може сбегать куды? – заволновалась дочка, укрывая мать.

– Неча бегать, отлежуся и будет.

Нюся села делать уроки. Вечером с работы приехал Иван и привёз Володю.

– Шо разлеглася? Скотину кормила? – недовольный муж, не снимая сапог, вошёл в кухню. Набрал воды из ведра и залпом выпил. – Сёдняя не жди, на конюшне сторожевать остаюся. Есть чем харчеваться?

Иван заглянул в чугунок и громко шлёпнул крышкой, закрывая пустую посудину.

– Мужик с поля, жинка и в ус не дуеть... – Ваня прошёлся по горнице, взглянул на Машу, сплюнул и направился к выходу.

Нюся сидела тихо за столом. Вовка устался в окно, наблюдая за уходящим отцом.

– Ма-ань! – послышался голос соседки. – Ты дома? Спишь аль не?

– Проходь, Стеша, тут я, – Маша встала и пошла встречать гостью.

– Твой ишо не возвернулси? – огляделась Стешка и присела на лавку у печки. – Я шо хотела-то... Разговор у меня к тебе есть...

– Вовочка, иди, сынок, погляди, як сестра уроки делаеть. Нам тута погутарить надобно, – Мария смекнула, что соседка пришла не просто поболтать.

Володька придвинул табуретку к стенке у выхода и стал прислушиваться, о чём будут говорить взрослые. Очень он любил это дело – подслушивать.

– Мань, молчать больше нету мочи. Сама знаешь, хутор у нас хоть и большой, но с того краю ужо всё знают, – перевела дыхание Трофимова, уставившись на Марию. – Ванька с воспиталкой шуры-муры крутить...

– Шо? Белены объелась? – Маша выпрямилась. – Пошто очерняешь Ваньку моего? А, помню... Зуб имеете до сих пор. Твоего же полишали конюшни. Ванька место твоего Порфирия занял! Тока послухай сюды, дорогая соседушка, ежели бы твой Порфирий за воротник не закладывал, то не погнали бы его в шею...

– Глупая ты баба, – Стеша поднялась с лавки. – Я ж к тебе с добром... А Ваньку твоего видали... Я ж поначалу думала мой, скандал ему учинила. Не выдержал муженёк и признался, оказалось, шо это Ванька на сеновале...

– Пошла-ка ты, благодетельница! – Маша не выдержала и указала указательным пальцем на дверь. – Хватить сплетничать, сорока! Иди отсель, покуда я тебя не проводила!

– Манька, як бы тебе не пожалеть опосля...

– Иди, говорю! – Грищенко не хотела ничего слушать.

– Ну, как знаешь... – Стеша быстрым шагом вышла из хаты.

– Принесла нелёгкая, – Маша прилегла на кровать.

– Тётя Тамара нас в гости созывала, – ни с того ни с сего ляпнул мальчишка.

– Кого енто? – приподнялась с подушки Мария. – Кого енто нас?

– Меня и папку, – довольный Володя слез с табуретки и уселся на полу.

– Брешешь! – мать села на кровати и уставилась на сына. – Ты маленький ишо и не так понял.

– Она меня пряником угощала, – улыбнулся мальчик и достал разноцветный фантики. – А исчо конфетами.

– Сторожевать, гутаришь? – Маша вспомнила слова мужа.

Женщина решила всё-таки поговорить с соседкой Стешей по-хорошему. Постучав в окошко хаты Трофимовых, подождала, когда Стешка выглянет.

– Собачиться пришла? Мне нечего добавить! – вышла на улицу соседка, положив руки на бока. – Чё надо?

– Погоди ты, не ерепенься, – Грищенко присела на завалинку. – Давай, договаривай, шо тама у Ваньки с Томкой?

– Шо... – скрипящим голосом ответила женщина, заняв место рядом. – Любовь у них, шо...

– Кто тебе докладал? Аль своими зенками углядела? – не унималась Манька.

– Своими, шоб они лопнули, – вспылела Трофимова. – Я ж думала мой, сапоги у сенца те же. Не стала клич подымать. Бабы вокруг... Дождалася покуда домой возвернётся... Приготовилася... Он входить в хату, я на дыбы!

– Стешка! Заканчивай свою тираду! – не выдержала Мария. – Говорь, шо видала...

– Мой, говорю, в дом возвернулси, а кепка на ём серая... – соседка перевела дух. – Я поначалу не заметила, а он и говорит, мол, не я это – Ванька Грищенко, сосед...

– Ну?

– Шо ну? Давненько они, Мань любятся, ходють слухи, шо брюхатая она...

– Кобель облезлый, – ругнулась Маша и плюнула на землю. – Сторожевать, говорит, буду, ня жди...

– Да ты шо? На конюшне? – женщина вытерла рот и придвинулась поближе, наклонив голову. – Вот шо я тебе скажу, мила моя, шустренько собираемси и на конюшню, шоб на конюха поглядеть.

– Чу, сдурела? Позор-то який!

– А хвостом крутить перед чужими мужиками – не позор? Ты думки свои распрями... Бери, чё у тебя тама есть: картошку, молочка, хлеб, и неси дорогому мужу вечернюю. Учить тебя, шо ли? Жёнка пришла мужа проведать и накормить...

– Не сготовила я, – вздохнула Мария. – Ребятишки молочком обошлись... Хворала на постели, сама ж видала...

– Ай, чёрт с им... – вскочила Стешка. – У меня есть, пошли...

Недолго думая, женщины отправились на конюшню, чтобы поймать нерадивого мужа с поличным. Больше всего этого желала Стешка, всем известная сорока до сплетен. Дойдя до заветного места, соседки остановились, посмотрели друг на друга.

– Темно, хоть глаз коли, – возмущалась Трофимова. – Дорога – ноги переломашь.

– Тихо ты, – Маша дёрнула попутчицу за рукав фуфайки. – Гляди, свет в конюшне, значит, тута он.

– Енто ничего не значить, – Стеша заволновалась. Вдруг всё дело обломится, а так хотелось соседям донести из первых уст.

– А твой-то где? – подкрадываясь ближе к конюшне, шептала Маня.

– Где-где, у Мельниковых поминки, тама он.

– А ты чаво не пошла?

– Охота мне на их пьяные рожи глядеть. Помянула и к тебе...

Женщины подошли ближе к зданию, прислушались. Тишина, только кони тихонько фыркают.

– Не пойду, – простонала Мария у самых ворот. – Боязно...

– Тьфу, ну шо ты будешь делать? – психанула Трофимова. – Мне, шо ль, итить? И як я объясню твоему Ваньке, шо я сюды припёрлася?

Из-под навеса, где стоял огромный стог сена, послышался женский смех.

– Вона, тама они... – довольная Стешка повернула голову. – Ну, покличь его...

Трофимой до такой степени не терпелось уличить соседа в неверности, что даже не замечала, как она переминается с ноги на ногу, будто где-то в мыслях танцует вальс.

– Ва-ань! – крикнула Маша, дрожащим голосом.

Женский смех замолк. Из-под навеса зашептались.

– Ва-ань! Ты где? – у Марии заколотилось сердце с такой силой, что хотелось бежать куда подальше, лишь бы не увидеть то, чего она больше всего боялась – измену.

Тишина. Только собаки лают где-то во дворах, будто уже осуждают Ивана Грищенко за его беспутство.

Внезапно послышалось шуршание сена. Со стога упал один сапог. В полумраке женщины разглядели мужчину, спускающегося по лестнице. В потёмках со спины не признать в нём ни Ваньку, ни какого-либо другого знакомого мужика. Незнакомец опустил ноги на твёрдую поверхность и, не оборачиваясь, начал шоркать рукой по земле в поисках второго сапога.

Мария взяла себя в руки, подбежала, схватила сапог и молча протянула ищущему.

– Порфирий... – упала боком на стог сена от удивления.

Порфирий молча взял сапог, кряхтя натянул его и выпрямился. Положил руку на стог и приставными шагами стал было огибать его, чтобы незаметно скрыться.

– А горячка-то, як я погляжу, волшебная! – подошла ближе жена Стеша и бросила на землю узелок с припасами. – Перенесла муженька из-за стола на тюк сеновальной!

Муж Трофимовой остановился, громко выдохнул, но голову повернуть не смог.

– Я кому говорю? – Стешка сделала ещё шаг.

По спине Порфирия пробежались мелкие мурашки, стягивая кожу. Он прекрасно знал нрав своей жены. Трофимов побаивался Стешу с тех самых времён, когда впервые повысил голос на свою жену. В тот день, недолго думая, Степанида голыми руками сорвала куст крапивы и оприходовала возлюбленного по лицу. Порфирию приходилось оправдывать покраснение и сыпь на своей физиономии перед мужиками, рассказывая басни о своём великом предназначении.

– Ей-богу, вот те крест, – Порфирий крестился, сооротив серьёзное лицо, дабы доказать соседям правдивость своих слов. – Утром встаю, а жинка и гутарить, завидев мой анфас, ты, грит, особенной, тебя боженька в темечко поцеловал, вона, гляди, и на плешке пятно!

Мужики, конечно, не верили, но слушали с удовольствием местного Петрушку, как со временем его и прозвали.

– Кому говорю? – Стешка повторила свой вопрос грудным голосом. – Кудый-то тебя понесло?

Порфирий не спеша стал поворачиваться, будто в замедленном кадре, пытаясь произвести впечатление.

– Ой, Стешенька моя пришла! – радостно всплеснул руками Трофимов. – А ты как туточки оказалась?

– Ногами! – жена подошла ещё ближе и выпятила живот вперёд. Так она изображала всю мощь свою и силу.

– Золотая моя, а я подумал было показалось, – Порфирий чувствовал угрозу со стороны обозлённой женщины.

– Ты с кем тута лясы точишь? Полюбовницу завёл?

– Шо ты, шо ты, Стешенька, образумься! – глаза забегали, мужчина слегка нагнулся, пытаясь устоять на своих кривых ножках. – Як такое могло прийти в твою светлую головушку? Я даже в помыслах ни-ни...

– Кто тама? – махнула Трофимова головой в сторону стога.

– Никóго...

– Я ишо не в том возрасти, шоб памятью страдать! Я усё услышала... – Стеша подошла вплотную и взялась за ворот фуфайки мужа. – А ну...

– Да нету тама никóго... – у мужика подкосились ноги, еле держался то ли от страха, то ли от принятого алкоголя.

– Манька, а ну стеряги его... – подошла Трофимова к лестнице. – А я чичас усё сама разузнаю...

Быстренько взобравшись на высокий стог, Стешка умолкла. Секунд десять стояла полная тишина.

– Вот лярва! – показались ноги Трофимовой на верхних ступеньках лестницы. – С той стороны утикáла!

Стеша спустилась вниз, держа в левой руке белый платок, расшитый красными розочками.

– Чей, не знаешь? – развернула и показала соседке.

– Почём мне знать, – тяжело вздохнула Маша, понимая, что мужа нет в конюшне.

– Празднишной... Кто у нас такие носить? – задумалась Стеша, задрав голову к небу.

– Порфирий, – Мария обратилась к соседу. – Скажи, як на духу, где Иван?

– Иван? – мужчина присел на нижнюю ступеньку деревянной лестницы. – А мне почём знать?

– Брешешь! – прикрикнула Стешка, напрочь забыв о женщине, которая несколько минут назад была с мужем на стогу. – А ну, признавайся, где его черти носят?

– Да покуда мне знать? Я ему, чай, не жёнка...

– Подымайси! – схватила за шиворот благоверного. – Пшёл до хаты! Ты мене усё должен докладать! Ты Ваньку видал сёдня аль не? Куды он пошёл? С кем? Кто она?

– Стешенька, ну не ведаю, ей-богу... – спотыкался мужичок, оправдываясь перед женой. Рядом молча шла Мария. В её голове была только одна мысль «Неужели муж тама, у воспитательницы?»

Вернувшись в хату, Машка присела на лавку возле печи. Дети спали.

– Ну, не идти же у хату Томки? – рассуждала женщина, стараясь не заплакать.

Маша сняла старенький сапог и поставила под лавку у печки. Только хотела снять второй, как в хату вошёл Иван с недовольным лицом.

– А ты шо? – заметил жену в одном сапоге и фуфайке. – Куды это на ночь глядя? Шо-то я не вразумею!

Мария подняла голову. Ванька схватил её за грудки, приподняв с лавки.

– На блядки собралася?

Иван никогда не трогал жену и пальцем. Всю жизнь был строгий, с претензиями, но чтобы ударить – такого не было.

– Вань, ты шо? – Маша смотрела на мужа удивлёнными глазами.

– Дык куды тебя несёт? – Иван прищурился и сжал челюсти так сильно, что заходили желваки на скулах.

– Тута я, дома... – женщина растерялась. Стыдно признаться, что следила за мужем.

– Кто он? К кому хвост наострила? – Грищенко сжал фуфайку ещё сильнее и прижал к себе жену.

– Ваня, а ты чаво пришёл? – спокойным голосом задала вопрос Манька. – Ты же сёдня до утречка должен конюшню охранять... Был ли ты тама?

– Должен, без надобности не воротился бы...

– Не было тебя тама... Сама видала...

Ванька отпустил жену, округлив глаза.

– Откудова знаешь? – мужчина присел на лавку. – Пасті вздумала? Ты ж никогда не приходила...

– Не приходила... – Мария присела рядом. – Скажи, как есть... Это Томка?

– Какая-такая Томка? – Иван пристально посмотрел на жену, явно не понимая, о чём речь.

– Воспиталка. Знамо дело – она...

– Манька! Не чуди! – психанул Грищенко, снял телогрейку и повернулся спиной. – На, погляди...

Мария взглянула на мужа и ахнула.

– Божечки мои, шо же енто?

– Хату мы тушили, глупая ты баба...

– Какую хату? Чью?

– Мельниковых...

– Как же енто? У них же поминки вроде как...

– Допоминовались... Не знаю, шо да как, прибежал Порфирий, криком кричить... Хата Мельниковых рядом... Я и кинулси помогать тушить... А внутрях сам Мельник дрыхнет. Я его спасать... Ентот злыдень спросонок меня не признал, оттолкнул окаянный, я на горящую стенку и повалилси...

– Ой, батюшки святы... – запричитала Мария. – А жёнка его спаслася?

– Чаво не знаю, того не знаю... Народ сбежалси, не разобрать... кто... где... Тьфу, шоб им пусто было. Плечо болить, шо кожу сняли... Намажь чем-нибудь, надобно воротиться на сторожевую.

Мария аккуратно сняла обгоревшую рубаху. Плечо получило ожог второй степени. Вздулись волдыри, покрасневшая кожа сильно горела, будто приложили горячую заслонку от печи. Успел Ванька потушить спину, катаясь по полу.

– К врачу тебе надобно, – беспокоилась жена, накладывая на больное место очищенные листья капусты. – Вона як раздуло...

– Я шо баба по врачевальням таскаться? Привяжи, и будя...

– Вань, – женщина всё же решилась выудить у мужа о Тамаре. – Пошто Томка в гости звала?

– Какая? Кого? – возмутился Иван, натягивая последнюю рубаху.

– Мне Стешка тут донесла...

– Шо? Трофимова? – Ванька развернулся и уставился на жену. – Твоя Стешка с рылом мохнатым, а ты и уши развесила?

– Не вразумею... Об чём енто ты? – слова мужа взбудоражили Машу.

– А ты поди спрости у своей сороки, шо она тут разносит, коли сама шерстью обросла! Ты думаешь, чаво она к тебе пристаёт? А?

– Ты ж место её мужика занял... – плюхнулась на лавку Манька, чувствуя, что муж сейчас расскажет такое, о чём сама Грищенко никогда бы не догадалась.

– Угу, ну, занял, и дальше шо? Тока вот твоя сорока-белобока наострилась на твоё место. Вразумела?

– Да ты шо? Не могёт ентого быть... Она же вона, як за Порфирием...

– Окстись, безмозговая! Шкуру свою прикрывает...

– Не верю...

– Иди, говорю, спрости... – Ванька кое-как надел фуфайку и открыл дверь в сени. – Ты давеча хворала, а она ко мне прибежала... Уяснила?

Иван вышел на улицу и направился сторожить коней. Мария встала, прошлась по кухне, посмотрела в окошко.

– Ах ты ж стерва, Степанида! Ну я тебе зараз усё обтолкую... – хлопнув дверью, быстрым шагом поспешила к соседке.

– Открывай, падлюка! – стучала в окно хаты Трофимовых Маша. – Выходь! Злыдня соседская!

– Чаво зашлася? – открыла окно Стешка, протирая глаза. – Ночь на дворе. Спим мы...

– Спишь, значит... – Мария отошла от окна и сложила руки на груди. – Выходь, говорю, разговор есть!

Радостная Степанида спросонья подумала было, что Манька что-то прознала о своём мужике, и, накидывая фуфайку, поскакала на улицу, словно молоденькая козочка на выгул в поле.

Мария ждала распутницу, сидя на завалинке.

– Ну-ну, чаво надыбала? С кем он кувыркали? – аж в горле пересохло, насколько распирало любопытство Трофимову. Задавала вопросы хриплым голосом.

Присела рядышком, освободив правое ухо от платка для сладких речей.

– Скажи-ка мне, Стеша, куды ты бегала, када я в плохом самочувствии попёрлася до хаты? – Маша скривила рот, зная о проделках соседки.

– Куды-куды, – Трофимова посмотрела на Марию с укором. – Мужика твоего предупредить, шоб он поторопился до дому, мало ли шо...

Мария опешила. И предъявить нечего, вроде как Степанида прибежала к Ивану ради её же благополучия.

– Мене Ванька сказал, шо ты на него виды имеешь... – Маша встала перед соседкой.

– На шо он мне? Ванька твой... – резко поднялась Стеша. – Глядеть не на шо... Зенками своими зыркаеть, словно чёрт с рогами... Зад свой прикрываить, а ты и поверила... Эх, Манька, глупая ты... Он ночами по хутору швыркаеть, а ты ухом не ведёшь...

– Ты лучше мне скажи, разузнала, с кем Порфирий был, аль не? – сменила тему Маня.

– Не было тама никого... – запнулась Стеша, отвернув голову в сторону.

– Как енто? Ты шо? Я ж сама слыхала...

– Ничё ты не слыхала, показалось тебе...

– Ах, вон оно шо... своего неверного прикрываешь, а на моего помои льёшь! – Мария поставила руки на бока и выпятила грудь.

– Порфирий ни в чём не повинен, а Ванька твой – кобелюка, каких свет не видывал... юбки не пропускаить, лишь бы своё кобелиное нутро грехом позабавить... И Вовка ваш вырастить такой же, як и батька евоный. Того и гляди, Нюська подолом закрутить... Який отец, такие и отпрыски...

Зря Степанида приплела детей в разговор, чем и зацепила соседку за живое.

– Вовка с Нюської? – опустила руки Маша. – Вовка, як батька, а Нюська – подолом?

Мария схватила Стешу за правое ухо, которое выглядывало из-под платка, и потянула вниз. Стеша во всё горло закричала от боли, схватилась за руку соседки. Второй рукой Грищенко стянула платок с головы женщины и вцепилась в волосы мёртвой хваткой.

– Сорочий твой язык! Детёв моих оговаривать? Я тебе чичас усе патлы повыдергаю, будешь, як твой Порфирий, плешью светить...

– А-а-а, караул! – закричала Степанида, пытаясь освободиться от цепких рук Мани. – Пусти! Люди, помогитя, убивають!

На крики выбежал Порфирий в одной длинной рубахе и без штанов, только успел на ходу сапоги натянуть. Не понимая, что происходит, схватил жену и начал оттаскивать от Грищенко.

– Бабы, угомонитесь! – повторял мужчина. – Ночь на дворе! Разбудили, треклятые, а мене спозаранку Галочке забор поправлять!

Женщины резко затихли. Маша отпустила Стешку и уставилась на соседа. Поправив волосы, Степанида развернулась и исподлобья посмотрела на мужа.

– Чё? Какой-такой Галочке? – пошла в наступление Стеша.

– А? – Порфирий тут же потерял слух и попятился назад.

Мария стояла как вкопанная, переводила взгляд то на соседку, то на её мужа.

– Я гутарю... – нужно было что-то срочно выдумать, и Порфирий, схватившись за дверную ручку, сказал. – Оградку, гутарю, мамочке...

– Шо? Оградку? – медленно подходила Стеша к мужу. – Ты ж к ей несколько годков не ходишь! Я щас покажу тебе оградку!

Порфирий скрылся за дверью, Стешка побежала за ним, выкрикивая угрозы.

Мария молча пошла домой.

Вернувшись в хату, выпила кружку воды и собралась ложиться спать.

– Мам, – Нюся подошла к матери и присела рядом на кровать.

– Ты чаво не спишь? – удивилась Маня.

– Я тута сказать тебе хотела, – замялась девочка, не зная, как рассказать о подарке учительницы.

Нюська встала и вышла в кухню. Пошуршала за печкой и принесла бурки.

– Откудова?

– Акулина Ивановна принесла...

– А почему тебе?

- Я упала... Мы с ребятами на перемене бегали, и...
 - Растяпа, я ведь предупреждала... – повысила тон Маша, объясняя дочери, что вещи нужно беречь, на новые денег нет...
 - Я случайно, я не хотела... – слёзы потекли от обиды.
 - Стыдоба-то какая... – взглянула Мария на девочку и тут же продолжила. – Это же Надькины, видимо...
 - Мам, а Надя... – дочь зарыдала навзрыд.
 - О божечки мои... – Маня обняла Нюсю.
- ***

Утром, как обычно, Мария покормила детей и отправила встречать Потапыча к перекрёстку.

- Не хочу в сад, – бурчал Вовка, топая по грязи.
- Иди по краю, – потащила за руку брата Нюся. – Кому говорю?
- Здравствуй, – догнал Сашка одноклассницу. – А правда, мамка твоя с батькой расходятся?
- Шо? – остановилась девочка. – Врёшь!
- Угу, только все уже знают...
- Неправда! – Нюська топнула ногой и быстрым шагом поторопилась к извозчику, ожидавшему своих маленьких пассажиров.

В школе Нюся не разговаривала с Сашкой. От его слов жгло в груди. Верить или нет? Тем более она слышала, как отец часто ругал маму за всякую ерунду.

- Ну, дуешься? – на перемене Александр присел на край парты. – Или не веришь?
- Не хочу с тобой говорить, – Нюся сидела, не двигаясь, и наблюдала в окно, как дети играют в выбегалки. – Отойди подальше... Ты такой же, как и Глашкина мать, лишь бы сплетничать...
- Ага, прям, – цокнул языком мальчишка и слез со стола. – Вообще-то я не говорил ничего, а просто спросил... Ну, как знаешь.

Нюшенька ждала окончание уроков, чтобы прийти домой и спросить у матери – правда ли это, что рассказал Саша.

Уроки закончились. Девочка надела телогрейку и вышла на улицу. Прохладно. Лёгкий ветерок тормозит пожелтевшую листву на деревьях и кустарниках. Листочки шелестят в такт друг другу, будто переговариваются о чём-то.

- Як сплетники, – сказала вслух Нюся и потопала в сторону дома.
- Давай провожу, – догнал девочку Саша и поравнялся с ней.
- Иди отсюда, сама дойду, – с гордостью ответила Нюська, не обращая внимание на мальчишку.

- Ну, как знаешь, – Сашка ускорил темп и ушёл далеко вперёд.
- Заходя в дом, Нюся услышала, как плачет мать.
- Мамочка, шо такое? – заволновалась девочка, забежав в хату, не снимая бурки.
 - Горе-то какое, – взхлёб ревела женщина. Взглянув на дочь, крепко-крепко обняла её.
- Нюся не понимала, что могло случиться. Ей стало страшно от мысли, что, скорее всего, отец и мать действительно расходятся. Девчужке очень хотелось поддержать маму.

– Мамочка, ты только не плачь, – слёзы, как росинки, закапали из глаз девочки. – Мы у тебя есть, я и Вовка...

– Есть, да... и я Бога каждый день молю, щоб у вас усё было хорошо, щоб были здоровыя... – Маша немного поплакала, встала, умыла лицо под умывальником и с нежностью посмотрела на свою доченьку.

– Я у Акулины Ивановны была, – шмыгнула носом. – Носила ей молочка свеженького в благодарность... за обувь...

– Надо было и мне сходить... она болеет уже несколько дней, – прошептала Нюся.

– Мы с ней погутарили маленько. Она про Надюшку сказывала... Я еле выдержала, шоб перед ей не расплакаться... Горе-то какое... – Маша прикрыла рот руками и пошла в комнату.

Внучка Акулины Ивановны Надя родилась очень слабенькой девочкой. С первых месяцев жизни ребёнок постоянно болел простудой. Соседи говорили, что Надя не жилец, слишком уж часто хворает.

Надюшка редко ходила в школу из-за проблем со здоровьем, на дому её обучала бабушка Акулина. За девочкой пристально следили, чтобы она лишний раз куда-нибудь не влезла, даже на речку не пускали. По непонятным причинам Надя подхватила двустороннее воспаление лёгких. Местный фельдшер поставил неправильный диагноз, и ребёнка лечили от гриппа народными средствами.

– Жалко девочку, – причитала Маша, подметая пол. – За что ж такие страдания маленькому ребёночку?

Ближе к вечеру вернулся Иван, волоча два мешка с сахаром.

– Принимай за труды, – поставил мешки у порога.

Жители хутора получали оплату за работу сахаром, мукой или зерном. В мае с началом посевных работ выдавался один мешок, перед Новым годом – два-три мешка.

– Леденцов наварим, – мечтательно запрыгала Нюся.

– Володю из садика надо забрать, – Мария набрала плоской сахарного песку и поставила на стол.

– Сам схожу, – ответил Ваня и вышел на улицу.

Шагая по слякоти, Иван раздумывал, как бы прикупить ещё одну корову. Их Бурёнка не приносит приплода, да и надои упали совсем. Выкурив очередную папироску у калитки детского сада, вошёл внутрь.

– Папка! – выбежал навстречу Вовка. Обнял отца за ноги и посмотрел снизу-вверх в глаза Ивану.

– Ну, одевайся, сорванец, – улыбнулся Ваня и погладил сына по голове.

– Добрейшего вечерочка, – в раздевалку вошла Тамара. – Как поживаете, Иван Николаевич?

– Спасибо, как все, – Грищенко не обращал внимание на воспитательницу. Он помогал сыну застегнуть фуфайку.

– Давненько Вас не было видно, – продолжала Тома вести разговор.

– Занят я, работы много...

– Да, работа нынче не запарная, зима на носу...

Действительно, зимой местные жители практически не работали, так как на самом деле трудиться было негде. Закончив уборку урожая, люди пережидали зимние холода дома. Если и была какая-то подработка, то только «для своих».

– А мы вот тут с Вовочкой кораблики из бумаги складывали, – Тамара присела на табурет.

– Вот, пап, погляди, – из кармана штанов мальчик достал помятый кораблик, сложенный из обрывка газеты.

– Молодец! – Иван похвалил сына и натянул на его голову шапку. – Ну, бывайте!

Попрощавшись, открыл дверь Володе.

– Вань, – Тамара встала и подошла к мужчине. – Как сына назовём?

Шо? – опешил Иван и обернулся.

– Ну как... – Тамара положила руку на его плечо. – Нашего...

Ваня, держа дверь открытой, обратился к сыну:

– Володька, прогуляйси пока по двору, я туточки погутарю!

Радостный Володя выбежал на улицу и, подпрыгивая, приблизился к качелям, верёвки которых были привязаны к высокому дереву.

Иван отпустил дверь и повернулся к женщине с недовольным видом.

– Ты свою приبلуду на меня не вешай! – сделал два шага навстречу. – Ишь, шо задумала!

– Ванечка, за шо ты так со мной? – расстроилась Тома. – Сынок – твой...

– Мой? Ты шо несёшь? Ты меня пьяного прибрала, а теперича чужой грех на меня пове-
сить хошь? Ентого не могёт быть!

– Ванюша, родненький... – обвила руками шею мужчины. – Я же тебя усю жизнь люблю...
Ещё с самого детства...

Тамара и Ваня родились и выросли в хуторе Бураковский. Раньше жили на одной улице. После войны бабушка и дедушка Тамары переехали на другой конец хутора. Родителей у неё нет. Тома с детства влюблена в чернявого парнишку. Иван старше Томки почти на семь лет, но ей это нисколько не помешало, будучи в пятилетнем возрасте, обратить внимание на кра-
савца-соседа. С тех самых пор она грезит Иваном Грищенко.

– Ваня, твой он, твой... – лицо порозовело от обидных слов разозлившегося мужчины.

– Знаю я вашего брата, – насупился мужик и сдёрнул руки, обнимающие его за шею. –
Чуть шо – твой... Семья у меня, забыла? А прошлая встреча ошибкой была!

– Знаю, шо семья... – женщина присела на табурет. – А мне-то теперича как быть?

– А вот, с кем нагуляла, к тому и в ноги кланяйся! – как отрезал Грищенко и подошёл
к выходной двери.

– Я усем расскажу, якый ты бессовестный семьянин! – неожиданно выкрикнула Тамара.

– Прежде чем коня седлать, удостоверься, шо он конь, а не кобыла, – повернул голову
и натянул кепку на глаза. – С меня шо взять? Я мужик, а ты баба... Сообразила? Енто ишо
доказать надо, мой ли... Дождёсси, наши лихачи начнут тебе забор воротить, вот тебе и репу-
тация... А подкидыша своего другому приписывай. О тебе и так молва ходить, будь здоров.

Иван строевым шагом вышел на улицу. Тамара так и ахнула, услышав речь любимого...

– Шо ж теперь делать-то? – размышляла молодая женщина. – А ведь верно, нельзя, шоб
узнали, как я с женатым... Зря подруге разболтала, ой дура...

Володя гордо шагал рядом с отцом, держа его за руку. В его маленькой голове крутились
мысли о рыбалке. Папа иногда брал его с собой по зиме удить карасиков, как только мальчишке
исполнилось три года.

– Пап, а мы скоро рыбок будем ловить? – поинтересовался мальчик.

– Скоро, снег выпадет, и поплывём... – Иван обдумывал новость, услышанную от вос-
питательницы. Он не мог в это поверить.

В конце лета, когда Ваня и Порфирий выпивали на конюшне поздно вечером, пришла
Тамара с просьбой помочь заколоть поросёнка. Порфирий отказался, а Иван сдуру дал согла-
сие. Томка заранее принесла бутылку горькой, якобы оплата за будущую помощь. Пьяные
мужики тут же принялись её распивать. Позже Порфирия и след простыл, когда бутылка опу-
стела, а Ваньку чересчур разморило. Женщина решила воспользоваться моментом. Грищенко
даже в любви ей признался, пребывая в пьяном угаре. Очнувшись ночью на сеновале, Ванька
не понял, как он вообще тут оказался. Кряхтя застегнул штаны и поплёлся домой. Только
проснувшись утром Грищенко вспомнил, что обещал помочь Тамарке, и тут память оживи-
лась: сеновал, Тома, и как она его пыталась соблазнить. А было ли что или нет – амнезия.

Тамара с трудом дождалась, когда из садика заберут последнего ребёнка. Закрыв дверь
за очередной родительницей, быстренько оделась и пошла домой, вспоминая разговор с Ива-
ном.

На улице прохладно. Потуже затянув платок, Томка шагала по дороге, стараясь перепры-
гивать через грязные лужи. Дома её ждала с огромным нетерпением бабушка Марфа, которая
каждый день справлялась о работе девушки и всё выпрашивала о разных новостях.

– Ну? Как тама? – пожилая женщина положила ужин в плошку и поставила на стол перед Тамарой.

– Как-как... никак, – недовольная Тома ела похлёбку.

– Слышно шо аль не? – Марфа присела рядом за стол, насыпала прямо на деревянную поверхность жареных семечек и приготовилась слушать внучку.

– Усё так же, без изменений, – Тамара не имела желания разговаривать.

– Я туточки сиднем сижу, дожидаясь, а тебе и погутарить не об чем? – упрекала бабушка, складывая шелуху на край стола.

Тома тяжело вздохнула и бросила взгляд на любопытную старушку.

– Не, ну ты погляди на неё, – усмехнулась Марфуша. – Приходил аль не?

Тамарка бросила деревянную ложку в плошку со злостью. Брызги разлетелись в разные стороны, оседая жирными каплями на стол и занавеску..

– Ну, приходил, а толку?

– Докладай усё, как есть, едрит твою... – положила семечку в рот.

– Докладай... – повторила и вновь вздохнула девушка, положила кусок хлеба рядом с плошкой. – А нечего докладывать, бабуль... Упёрся, как баран, и слухать не хочет...

– Та-ак, – протянула Марфа, выплюнув шелуху. – Учю тебя, дуру, учю, а толку нетути!

– Тише ты, – прошептала Тамара, нагнувшись к Марфе. – Дед услышит...

– Не слышает он ничёго! Глушный, як тетеря! – бабушка встала с табурета и подошла к печке. – Меня мамка учила, як надобно жить, теперича моя очередь тебе объяснить, тока ты тетёха какая-то...

Марфа Петровна – семидесятипятилетняя уроженка Краснодарского края. Женщина с жёстким характером, ищущая выгоду просто во всём. Она не будет общаться с соседями вхолостую – «воздух месить», как выражается сама Марфа. Она терпеть не может слабых духом людей и «пустозвонных» собак маленького размера. Если с человека нечего взять, то это и не человек вовсе, а пустое место.

– Откудова вы такие берётесь тока... – бубнила женщина, высыпая шелуху от семечек в печку. – Да ежели б не я, то и дед твой со мною ня жил бы... Ежели б не я, ня бывать тебе воспиталкой в ентом саду!

Марфа злилась и нервничала.

– Вот помрём мы с дедом, шо ты будешь делать? Не могёшь себя пристроить, дык слухай бабу Марфушку! – стукнула кулаком по столу и плюхнулась на табурет.

– Кто тама, Марфушка? – отреагировал дед Панкрат на грохот.

– Гром гремить! – издевательски прошипела женщина и пригнулась ближе к внучке. – Во, видала? Совсем глушный... Старый стал... Сморщился, як сморчок, зараза... А якый красавец был, у-у... Усе девки за им бегали-бегали, но не догнали... Об мене он споткнулси, када женатым был...

– Да ты шо? – доела Тамара похлёбку и убрала посуду.

– А за кем женатым был, ты до сих и не вразумеешь... – прищурилась Марфа и хитро улыбнулась.

– Бабуль, ты ж говорила, что он холостой был... – удивилась Томка рассказу бабули.

– Мало ль, шо я тама говорила... А ты слухай правду, девка, и мотай на ус! – подняла указательный палец правой руки вверх в знак приказания. – Жёнка у его была клуха клухой. Такая уся важная, кура очкастая.

Марфа встала и прошлась по комнате от одной стены до другой, выпятив грудь вперёд, изображая женщину, о которой рассказывает.

– И на кой чёрт на таких женютси? Ни характеру, ни лица... Тьфу... В общем, я вовремя постаралась, шоб жизньню твоему деду наладить...

– Ничого я не поняла, и не надо... – встала Томка и хотела было уйти.

– А ну, сядь на место, – приказала Петровна и постучала по табурету. – И жёнкой Панкрату была твоя первая училка...

У Тamarки округлились глаза.

– Как енто?

– А вот так, – громко рассмеялась Марфуша во всё горло, закинув голову назад. – Ента дурында и ухом не ведёт, шо я сделала...

– Ничего себе...

– Я к бабке одной ходила. У нас её ведьмой кличали. Она мене и подмогнула... Присуху нашептала, во как! Я будущего муженька хлебушком-то и угостила...

– Грех-то какой...

– Ничбого и не грех, коли для дела надобно, – Марфа закинула семечку в рот. – Такие, як Манька Грищенко, не умеють с мужиками справляться... Ну и шо, шо жить они с десятков годков вместе. Ты, девка, взрослая уже, бери его в оборот и дальше. Сдастся, никуды не денетси! Слухай мене и учися... А то помрём с дедом, так и останиси одна, як бобыль. А Ванька – видной мужик, работающий... Сама знаешь, у нашем хуторе с мужиками беда. Где ж тебе сыскать годного? Сколько ж тебе маитси? Усю жизнь любишь и маишьси... Как гутарють в народе: «жена – не стена, подвинетси». Коли так у тебя не выходит, значитси, будем действовать по-иному. Есть тут у нас одна знахарка, вот я завтра сбегаю и договорюся. Она тебе подмогнёт, коли для дела надобно. И быть тебе пристроенной бабой. А тама родишь ему сынка, и никуды он больше от нас не денетси.

Глава 3

Наутро Нюся почувствовала себя нехорошо.

– Мам, мне жарко, – простонала девочка, надевая льняное платье.

– Не городи, – Мария торопила детей. – До чего ж вы ленивые... Торопитесь, Потапыч ждать не будет. Учиться надо, Нюсь.

– Я знаю... – девочка оделась и стала ожидать у порожка брата. Пот стекал по лбу. Но надо, так надо...

Почти четыре километра идти до колонки.

Колонка – маленький район в конце хутора. В этом месте когда-то немцы собирали местных жителей и пытали их... Поэтому так и прозвали этот участок – колонка.

– Шевелись, – нервничала Нюся, подгоняя брата. – Уедут без нас, придётся идти пешком до садика.

В саду мальчика ждала Тамара, чтобы в очередной раз расспросить, как поживает папа и не ругается ли он с матерью.

– Папка у меня хороший, – улыбнулся Вовка, снимая шапку. – А вот Нюська – вредина...

– Возьми сладенького... – протянула Томка конфетку. – А мама с папой не ругаются?

– Не, – развернул конфету и положил в рот. – Папка только иногда громко говорит, а мамка – не...

Тамара вздохнула и повела мальчишку к детям.

С раннего утра бабушка Марфа Петровна собиралась посетить знакомую ей женщину, которая отлично разбирается в заговорах на любовь.

– Кудый-то тебя несёт? – удивился Панкрат, лежа на печи.

– На Кудыкину гору, – огрызнулась Марфуша, накидывая телогрейку. – Сиди тут, хрыч старый, я скоро возвращусь.

Вышла на улицу и быстрым шагом направилась по серьёзному делу. Дойдя до нужной мазанки, без стука открыла дверь.

– Доброго утречка! Есть кто дома? – крикнула Марфа, ожидая ответа. – Поля, я к тебе по очень серьёзному делу пришлась...

В хате никого не оказалось. Марфа вышла на улицу и прошлась по двору в поисках знахарки Полины.

– Чаво надобно? – хозяйка вышла из сарая, волоча только что зарубленную курицу.

– Полошка, доброго здравичка, – тонким голосом заговорила Петровна. – Я по делу... Знаю, шо ты на многое способна... Мне помощь требуется...

– Ты об чём? – опуская в кипяток тушку, Полина начала выдёргивать перья.

– Говорю, как есть – присушка мне нужна... – наклонилась к женщине и шепнула на ухо. Хозяйка засмеялась и пристально посмотрела на просительницу.

– Тебе? На кой? Али деда решила сменить?

– Тю, глупая, шо ты несёшь? Не мне, а внучке моей надобно...

– Та-ак, а вот туточки давай подробности, – Поля взяла ведро. – Пошли в хату.

Устроившись поудобней за столом, Марфа Петровна начала свой рассказ.

– Женатый он, но здесья моя правда – ему будет лучше с моей Томкой. Сама знаешь – мужиков у нас нема, а в той семье его не ценють.

– Да об ком ты мне гутаришь?

– Ванька Грищенко нам нужен, – отчеканила Петровна и положила руки на колени.

– У-у, баба, чаво напридумала... А то, шо детки у них, тебя не касаетси?

– Ну и шо? Поль, я же слыхала, шо ты могёшь... Ты ж много лет назад подмогнула своей куме... Мужик тоже был семейный... Кума твоя мне и докладала...

– Странность яка, усем Грищенку подавай... – задумалась хозяйка.

– Кому енто усем? – прищурилась Марфа.

– А? – спохватилась знахарка. – Не-не, енто другой, однофамилец...

– Ну, дык поможешь аль не? Иль мне с кумовьёвым мужиком погутарить? – ехидничала Петровна.

– А ну, цыть! – занервничала Полина. – Нельзя, шоб прознали... Енто дело такое... Ладно, вечером заходи и принеси сахарку да водовки.

На том и расстались.

Вечер.

Мария собралась кормить скотину. Оделась и открыла выходную дверь. Неожиданно на порог прыгнула огромная жаба.

– Откудова тебе взяться? – удивилась Маша. – Холодно ужо.

Жаба квакала и упорно лезла в хату. Мария пыталась развернуть её ногой, но ничего не получилось.

– О боже, – Грищенко вдруг вспомнила народную примету. – Енто кто ж так люто нас ненавидить?

В деревнях и сёлах люди верили: если на порог дома запрыгнула жаба, то жди беды. Это означало, что кто-то навёл порчу на одного из членов семьи. По преданию, необходимо заколоть земноводное вилами. И в этот же день, кто первый из чужаков придёт в гости, тот и сотворил чёрное дело.

Маня мигом забежала в сарай и схватила вилы.

– Добрейшего вечерёчка, – к калитке подошла соседка Стеша.

Мария не обратила внимание на соседку.

– Я туточки тебе должок принесла, – Стешка протянула ведро.

– Поставь у калитки и иди, – пробурчала Маша, подходя к двери мазанки.

– Ой, а шо енто у тебя? – встрепенулась соседка, поставила ведро и осталась с той стороны забора. Закрыла калитку. – Неужто жаба? Ой-ой, ужаста какие! Манька! Убей её, убей! Она беду несёт в твою хату! Ой, батюшки! Шо ж енто делается? Какая пакость!

Мария замахнулась вилами.

– Так её, так! Окаянную! – причитала верующая во всю нечисть Стешка, – Жги её, жги! Вот же ж дрянь яка приползла!

– Чаво барагозишь? – к Степаниде подошёл муж. – Шо опять приключилося?

– А ты шо припёрси? – обернулась Стеша. – Ты же у Мельниковых хату ремонтироваешь!

– Ну... – замешкался Порфирий. – Я перекусить пришёл, а тебя в хате как ветром сдуло...

– Не бónia... – Стешка поставила руки на бока. – И часу не прошло...

– А шо вы туточки жарите? – поинтересовался мужчина, чувствуя странный запах.

– Лягушку, шоб ей пусто было! – крикнула Манька, наблюдая за своим действием.

– Чаво? Оголодали совсем? – усмехнулся мужик, облокотившись на забор.

– Тьфу на тебя, злыдень! – плюнула Стешка на мужа. – Какая-то падлюка порчу напустила...

– Шо?

– Лягушка в хату полезла, – продолжила Мария.

– Неужто свершилось? Ай да баба... – шепнул Порфирий, отойдя на пару шагов назад.

– Шо ты тама бормочешь? – услышала шёпот Стеша.

– Ни-ни... – развернулся Порфирий и собрался уходить. – Я в хату, а опосля к Мельнику...

Порфирий забежал в дом, перекусил хлебом с молоком и поторопился к Мельниковым помогать перестраивать мазанку.

– Як думаешь, кто енто могёт быть? – Степанида изнемогала от любопытства.

– Почём мне знать? Никому плохого не делала, ни с кем не ругалась, – вздохнула Маша, закапывая недогоревшие остатки.

– А ты покумекай, мбжа, с кем и был скандал давеча? – не унималась Трофимова.

– С тобой был, – с кривой улыбкой Манька взглянула на соседку. – Али запомятовала?

– Очумела? – лицо Степаниды вытянулось. Она вошла в калитку. – Я до таких грехов не способная! Али ты на меня усех собак спустишь?

– Вот и я сумлеваюсь в твоих способностях, – улынулась Грищенко. – Давай ведро. Чаво тама?

– Сахарного песку возвращаю. Я у тебя одалживала весной.

– А, да, было... – Мария взяла ведро и понесла в дом.

Степанида вприпрыжку пошла следом. Уж очень ей хотелось обсудить этот случай и сделать выводы, кто же та самая женщина, что решилась на такую пакость.

– Баба, не иначе... – усаживаясь на табурет, рассуждала Трофимова. – Точно тебе говорю. И есть у мене мыслишка одна – енто полюбовница твоего Ваньки.

– Ты опять? Нету у него никого – Маша пересыпала сахар в мешок.

– Тады кто? Кому енто понадобилося, такие страсти воротить?

– Не ведаю...

– Дурная ты! Манька! Ребятёнка из сада забираешь, нет бы с бабёхой ентою погутарить, а ты кота за причиндалы тянешь! Ой, заплачешь горькими слезами, а слушать мене надо было! – не сидится на месте Стешке, так и ёрзает, доказывая свою правоту.

– Не хочу и слушать, отстань с ентими разговорами подобру-поздорову! Следи за своим муженьком.

– А чё за им следить? Туточки он, всегда рядышком.

– Опять запомятовала? Мы ж с тобой давеча слышали у сеновала...

– Не было ничого! – встала Стеша. – Порфирий призналси, шо с бабой неизвестного имени ожидал твоего Ваньку. Развлекал разговорами, так сказать...

– Ох, и язва ты, как я погляжу! – Мария не утерпела. – Своего кобелька прячешь, а моего понбсишь на чём свет стоить? Иди, иди отсель, покуда...

– Тьфу! – подошла к двери Трофимова. – Я об ейной семье пекуся, а она и нос воротить. Как хошь! Попомнишь, попомнишь Стешку Трофимову.

Степанида, хлопнув дверью, вышла из хаты.

– Чумная баба, всюду свой нос суётъ. – Маша оделась, покормила скотину и пошла забирать сына из детского садика.

Подойдя ко двору сада заметила, как Тамара и Иван любезничают между собой, а Вовка качается на качелях.

– Ну, бывай! – хлопнув по плечу воспитательницу, поздравил Вовку. – До хаты шагом марш!

– Ой, мамка пришла, – увидел маму мальчонка и побежал к калитке.

Иван удивлённо взглянул на жену и поторопился со двора.

Тамара тут же прошмыгнула за дверь.

– Вовка балуется? – поинтересовалась Мария у мужа.

– Та не, усё в порядке, – нехотя улыбнулся Иван.

– Чаво ей надобно тады?

– Порося прбсить помочь заколоть...

- Больше никому? – заволновалась Маша, заглядывая в лицо Ване.
- Дед у них уже не справится, вот и просить...
- Ну-ну... – нехорошая мысль закралась в голове Маньки по поводу Тома.

Дома родителей ждала приболевшая Нюсенька. Лёжа на кровати, девочка облизывала сахарную ложку и вспоминала питомца Черныша.

- Нюсь, ты шо тама? – в комнату вошла Мария. – Краснучая уся...

Всю ночь у девочки была высокая температура. Мария отпаивала её тёплым питьём с сахаром и укладывала на лоб полотенце, смоченное холодной водой. Нюся бредила и пела военные песни.

*Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.*

*Выходила, песню заводила,
Про степного сизого орла.
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла.
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла...*

– Як же ж ты простудилася? Ой, донюшка... – причитала Маша, переживая за здоровье ребёнка.

- Не нагоняй, – сердился Иван, наблюдая за женой. – Впервой, шо ли? Выкарабкается...

На следующий день вместе с сестрой родители решили оставить дома и Вовку. Мальчишка бегал по хате и прыгал у кровати Нюси, мешая ей своими криками и визгами.

- Сядь, кому сказала! – ругала Маня сына. – Сестра болеет!

– Она притворяется, – заглядывал в лицо девочки неугомонный мальчик. – Чё разлеглася? Вставай...

- А ну, поди прочь, – мать дёрнула за руку Володю. – Паршивец...

– Лучше бы я с папкой пошёл... – обиделся мальчонка и сел в угол. – Тётя Тамара добрая, а ты злая...

- Шо?

– Добрая! А ты злая! – отвернулся от Марии Вова и захлопал, пытаясь выдать из себя слёзы. – Уйду я от тебя к ней жить...

- Куды енто ты собрался? А? – Маша подошла ближе. – Куды?

- К тётке Тамаре, она меня конфетами угощает, а ты прятаешь...

– Володя... – Марии стало не по себе. – Я не прятаю... Их мало, я вам по одной отдаю, покуда они у нас имеются...

- Она меня любит и жалеет, а ты орёшь! Не любишь ты меня!

– Сыночка, ты шо такое говоришь? – Маня всплакнула, опустилась на колени и принялась гладить по голове Вову.

- Отойди... – увернулся мальчишка и выбежал из комнаты. Залез на печь и притих.

– Шо енто делается? – Мария встала, проверила на температуру лоб дочери и села на лавку у печки. – Володенька, хочешь, леденцов наварим?

- Не хочу, я уже конфет наелся... А исчо пряничков...

– Пряничков... – повторила женщина, понимая, что Тамара приваживает ребёнка сладостями.

– А исчо она папку любит, – выглянул из-за шторы. – И зовёт в гости часто...

– С чего ты взял, шо любит? – мать подняла голову.

– Вчерась она говорила, а я услышал...

– Ну я им сейчас усё растолкую... – Маша вскочила, оделась и понеслась в хату Томки Гориной.

Грязь и лужи не давали бежать в полную силу – скользко. Мелкий дождь намочил телогрейку, от ветра волосы выбились из-под платка. Кое-как добравшись до хаты, Маша остановилась на мгновение: «а, может, Вовка усё выдумал?» Немного подумав, всё-таки решила войти.

– Кушай-кушай, Ванечка, – у стола хлопотала Марфа Петровна, подавая ужин мужчине. – Тамара, деточка, приташи вёдоровки, угостить дорогого гостя...

Томка сунулась было пойти к погребу, но тут же остановилась.

На пороге стояла Мария.

В хате все замерли.

Томка отступила назад, не говоря ни слова. Марфа Петровна стояла, открыв рот. Глазёнки так и забегали. Только Иван ел луковую похлёбку вприкуску с белым хлебом, не замечая всеобщего столбняка.

– Харчевничаешь, – выдавила из себя Мария, закрыв за собой дверь.

Ванька поперхнулся, из глаз брызнули слёзы. Марфа опустила взгляд на гостя и резко ударила его кулаком между лопаток по привычке, которую она использует для своего мужа.

– В дому не кормють? – строго спросила жена. Машу взбесила сама ситуация, что её муж обедает в чужой хате, да и ещё в той, где привечают её ребёнка.

Ваня откашлялся, вытер рот рукавом и повернулся.

– А ты чаво пришла? Случилось чаво? – дожёвывая кусок хлеба, задал вопрос Грищенко.

– Пока шо не поняла, случилось аль не... – Манька с грозным видом смотрела то на Томку, то на её бабушку.

– Захобь-захобь, гостыюшка, – тонким голосом запела Марфа, приглашая к столу жестом руки.

– Некогда мне восседать с вами туточки, делов по горло... – Маня не сдвинулась с места. – Иван, пороса закололи ужо? Нету запаха палёнки чавой-то...

Томка аккуратненько бочком пошла вокруг печки, чтобы скрыться в комнате.

– А? – вдруг откликнулась Марфа. – И не будет, соседка Грунька вчерась заколола.

– Соседка? – удивилась Маня. – Кому?

– Шо кому? – не поняла Петровна.

– Кому заколола?

– Себе, а шо? – неосведомлённая Марфуша никак не могла понять, причём здесь вообще чей-то поросёнок.

– Себе значит... А ваш как же?

– Чаво? – Петровна плюхнулась на табурет, бросив взгляд сначала на Ваньку, а потом на Марию.

– Шо чаво? Пороса вашего ужо усё? Али не сёдня надо было?

– В толк не возьму, – растерялась бабуля. – У нас их и отродясь не было... Сальце я у Груньки покупаю... а опосля перепродаю...

Тут уже у Ваньки вытянулось лицо.

– А шо я тады пришкрёбся?

– За сальцем, – ответила Марфа. – Я и угощаю...

– Я ж с порогу спросил про пороса... А ты мне – садись...

– Ну, мне ж Томка сказала, шо ты сёдня придёшь, а я на стол... – Марфа закрыла рот рукой, видимо поняв, что всё пошло не по-задуманному.

Тамара сидела на кровати, взявшись за голову. Она и предположить не могла, что бабуля всё напутает, видимо, от растерянности, когда жена Вани пришла. План состоял в том, чтобы напоить заговорённой водкой мужика, и он одурманенный останется в хате, а там дело техники. Переждать нужно было всего-то несколько часов, как говорила знахарка, и волшебное зелье сработает.

– Тётя Тамара, – крикнула с издёвкой Маша. – Подойдите сюды... Спросить чё хочу. На трясущихся ногах Тома вышла к гостям.

– Не пора ли вам своих дитёв заводить, а не чужих прикармливать? – надменное выражение лица Мани дало понять – не к добру вся эта затея.

– Ну, шо уж там, Мария, – улыбнулась девушка украдкой. – Ребятёнок всё-таки, почему бы и не угостить?

– Вот я и гутарю – своих рожай и угощай. Хватить моему Вовке презенты преподносить... Иван, вставай, пошли до хаты...

Ванька поднялся и не успел сделать шаг, как Томка подлетела к нему с криками.

– Не пущу! – обхватила руками мужика и уткнулась в его спину лицом.

Иван остолбенел. У Марфуши нижняя челюсть так и отвисла. Никто не ожидал такого от молодой девушки.

– Мой он, мой! – кричала Тамара, упираясь ногами. По всей видимости, любящее сердце не выдержало испытания годами – любовь в одни ворота.

Ваня отцепил руки Тома и повернулся.

– Сдурела?

Мария стояла у порога и молча наблюдала за сценой. Петровна понимала – как-то нужно успокоить внучку, иначе весь этот скандал выльется на улицу, и позору не оберёшься на весь хутор. Можно же всё было сделать по-другому: будто Ванька сам ушёл из семьи.

– Ванечка, оставайся, я всё для тебя... Ты же знаешь... я люблю... – ревела Тамара.

– Прочухайся, девка! – Иван не выдержал. – На кой ты мне?

– Это всё ты, ты... – захлёбывалась слезами Тома, глядя на Машу.

– Да отцепись ты, бешеная, – Ванька пытался вырваться.

– Никуды не пойдёшь! – остановилась Тамара и уставилась на жену Грищенко. – Брюхатая я!

Мария отошла в сторонку, так как из-за широкой спины мужа совсем не было видно придурковатую воспитательницу. В хате опять все замерли.

– От кого ж? – с прищуром поинтересовалась Маша.

– От Ванечки моего... – Тамара почувствовала, что вот сейчас всё свершится, именно сейчас Мария Грищенко откажется от своего мужика, и он достанется ей – Томке Горинной.

Ей уже было абсолютно всё равно, что скажут люди в хуторе. Если будут показывать на неё пальцем и подсмеиваться, судачить за спиной, да чёрт бы с ним, зато она, Томка, станет самой счастливой бабой из всех, живущих на этой грешной земле.

Наблюдая за всем этим, Марфа Петровна решила помочь внучке. Она также восприняла тот факт, что сейчас всё разрешится в пользу Томочки. Мария ведь должна иметь гордость. Она просто не имеет права прощать мужа за такое предательство.

– А давайте погутарим спокойнёнько туюточки, – Марфуша пыталась договориться. – Посидим, нам же есть об чём...

– Нету! – как отрезал Иван. – И вообще, шо тут происходит? Ты зачем меня зазывала? Про любовь твою я уже слыхивал, усё тебе донёс, як мене показалось, а ты...

– Ваня, не горячись, присаживайся. Я чичас за водовкой шустренько сбегаяю... – Петровна настаивала. – Мы обо всём и договоримся...

– Э-э, не-е, – из комнаты послышался голос деда Панкрата.

Муж Марфы кое-как слез с кровати и засеменил в кухню. Заходя, окинул взглядом каждого из присутствующих и уставился на свою жену.

– Ну шо, бесталковщина, дожилася до приличного возрасту, а с умишком як было тугинько, так и встряло...

– Тю, поглядите-ка, нарисовалси... – выпрямилась Марфа. – Енто шо за разговоры ты мне тута затеиваешь? У самого-то мозжечок усох совсем! Думай, шо несёшь, хрыч старый!

– А ну, цыть! – Панкрат топнул ногой и сжал кулаки. – Ты шо думала, кобылье вымя, шо я совсем оглушился? Я шо ни на есть слышащий! Ох, як поперёк глотки у мене ужо стоить твоя молва! Ох, как ты мене ужо достигнула до самых печёнок!

Дед пошлёпал себя по горлу, показывая тем самым, насколько ему надоели всяческие разговоры о ненужных людях, о благополучной жизни, знакомствах и прочее.

– И думать не мог, шо ты на такое сподобиси, Марфушенька... Ладно мене схватилася опойть, так ты и Грищенко семью вздумала... – Панкрат замахнулся кулаком на Петровну.

– Караул! – закричала Марфа и спряталась за спину Ивана. – Бешаный!

– Ты шо ж, таки и поверила, шо та бабка тебе подсобила мене от моей Акулинушки увести? Это я дурным был! Вожжа под хвост попала, я и сменил обстановку! Если б я ранее знал, якый ты гадыной станешь! – Панкрат выдохнул и присел на табурет. – А ты, а ты, сучья бородавка, куды клыки наострила? Слухаешь енту жабу сушёную и такое проделываешь? Я тебе научу, як в чужие семьи залезать!

Погрозив кулаком и внучке, Панкрат вновь поднялся.

– Не пей ихней водовки, сынок, енто бабьё по заговорёнкам бегаить, мало ли шо...

Дед Панкрат ещё раз для уверенности помахал кулаком и пошёл в свою комнату.

– Брюхатая она, – усмехнулась Мария, провожая взглядом мужа Марфы. – Не смеши ты мои пятки, девонька!

– Были мы, были вместе! – упиралась Тома и начала креститься. – Вот те крест!

– Не гневи бога, грешница! Не наговаривай на моего мужика! – прикрикнула Манька. – С Иваном она была... А платочек-то тот я признала...

Улыбнулась, взяла мужа под руку и вывела из хаты Гориных.

Глава 4

Через семь месяцев, майским утром, у Тамары Гориной родился сын.

– Ох, ты ж... – прорывая свеклу на поле, причитала Степанида. Завидев вдалеке Марию, вприпрыжку поскакала к ней, чтобы донести благую весть.

Грищенко испугалась, когда из-за спины запыхавшаяся Стешка крикнула:

– Слыхала? – споткнулась Трофимова. – Воспиталка пацанёнка принесла... Ой-ой, от кого ж?

– Чу, сумасшедшая, як кобыла скачешь! – приложила руки к груди Маша от испуга. – Чаво летишь?

– Я об чём гутарю? Воспиталка...

– И шо? Мне-то какое дело до неё? – плюнула Грищенко и продолжила свою работу.

– Не, ну ты погляди на неё! – Стешка упёрла грязные руки в бока. – Сына, слышь?

– И шо дальше? – Маня подняла голову и сжала губы от недовольства.

– Чей же? Ой, не могу, так хотца узнать... Она ж безмужняя... Позор-то какой...

– Стеш, я пбняла, куды ты клонишь...

– Бабы гутарюць, шо он не с лица... Страшнбй, як чёрт!

– Шла бы ты, соседушка... – выпрямилась Мария со стоном. – Усю спину скрючило...

– Исчо не так скрючить, када усё прояснится! – гордо ответила Степанида и, задрав нос кверху, широким шагом пошла на свой участок поля.

– Тьфу, дурная баба, – Грищенко плюнула вслед уходящей соседке и потёрла поясницу.

Вечером Степанида всё-таки пришла в хату Грищенко для обсуждения дальнейших действий со стороны Маши. Открыв дверь, остановилась. Она никак не ожидала увидеть хозяина дома в столь ранний час.

– Хлеб да соль... – вошла в хату и встала у двери.

– Едим да свой... – буркнул Иван, доставая горячую картошку из чугунка.

– А хозяйка куды запропастилася? – поинтересовалась Степанида.

– Здесь гдей-то шляется, – откусил кусок чёрного хлеба.

Стешка попрощалась и вышла на улицу. Захлопнув дверь, огляделась. Заглянула в сарай, прошлась по огороду – нет нигде Марии. На заднем дворе, в саду, послышались разговоры. Степанида решила сходить туда. Подходя ближе, разглядела Маньку среди деревьев, второго человека было не видно, но то, что это мужчина, стало понятно по одежде. Цветущие плодовые деревья перекрывали весь обзор.

– Ма-ань! – крикнула Трофимова. – Я тебя ишу-ишу, а ты вона где... Ты шо тама? С кем?

Любопытная Стешка прибавила шаг, но мужчина вдруг решил удалиться и, огибая сад, двинулся в сторону поля, к реке Левый Бейсужёк.

– А кто енто? Чаво убёг? – любопытство так и распирало Трофимову. – А-а, скрываешь любовь на стороне?

Стешка рассмеялась.

– Мда-а, – протянула Маша и посмотрела на соседку. – Вот так вот сплетни и рождаются... Тебе чаво надобно на ночь глядя?

– Я хотела уточнить одну вещь, – заюлила Стешка.

– Не темни, давай по делу! – Мария направилась в сторону дома. – Мне исчо скотину кормить.

– Как жить-то теперича будешь, соседушка? – выпалила Стеша. – Это ж в голове не укладывается...

– Да об чём ты? – остановилась Грищенко.

– Ты дуру тут не ломай, – положила ладони себе на щёки и закачала головой в разные стороны. – Машка! Слепая ты кура, вот шо я тебе скажу! Ты мальчика его видала аль не?

– Какого-такого мальчика? – не понимала Маня.

– Знамо какого, сынка Ванькиного! – возмутилась соседка. – Чернявый он! Бабы гутарюць, шо видали...

– И шо? Мало ли такие рождаются на белом свете?

– Мало-немало, но в хуторе нашем исчо не видала! Ванькин он, вот те крест. – перекрестилась Стеша.

– А я тебе доказую, брешешь почём зря! – повысила голос Мария и двинулась дальше, к сараю.

– Это кто ж тебя такую уродил? – семенила рядом Трофимова. – Зная, шо рядом живёт сын собственного мужика, она вот так к ентому делу относится – плюёт. Машка, одумайси. Ей надобно патлы повыщипать, чтобы она удалилася из нашего краю, куды бесстыжие глазёнки её глядеть.

Подходя к сараю, женщины услышали крик на дороге, со стороны хаты Трофимовых.

– Во, слыхала? Кого-то бьют. Очередной мужик провинилси, – радовалась Стешка.

Выглянув из-за забора, Стеша и Мария увидели, как Марфа Петровна оприходуёт огромным толстым прутом Порфирия Трофимова.

– Ты пошто моего мужика лупсуешь? – закричала Степанида, с силой дёрнув калитку. – Размахалась тут своими крэглями!

– Я прям щас ему усю физиономию переломаю! Ишь, шо удумал, паразит! – махала прутом Марфа, не обращая внимания на Стешку. – Паразит, коих земелюшка наша носить!

– А ну! – подбежала Трофимова и схватилась за руку разъярённой женщины. – Чаво вылупилась?

Петровна остановилась и уставилась на соседку семьи Грищенко.

– Чаво зенки разлупила, спрашиваю? – Стешка отпустила «палача» и выгнулась. – Ты погляди на неё!

– Стереги мужика, коли он тебе так нужен! Но я молчать боле не имею сил! – Марфа также выгнула спину и поставила руки на бока.

– Ой, напужала... – протянула Стешка и приняла ту же позу. – Кто ты есть, шоб тут страхами кидаться? Поглядите-ка на неё, люди добрые! Наплодились беспутницами и пужают!

– Ты поддувалом-то не мети, – Марфа заговорила грудным голосом, чтобы придать угрожающий вид своей персоне. – Мбжу повтёрить, коли ты безмозглая...

– Ой ли, пришлёпала туточки и учить вздумала... Сляди за своей кралей, шоб боле без мужа не заводила безродных!

– Замолчь! – Петровна ударила Степаниду по лицу. – Кто ты есть, шоб такие речи нести? Твоё ль собачье дело? Сляди своими зоркими зенками за своим беспутником!

– Шо? Сляди за языком, кабы твой забор на дрова не взломали! – Стешка не посмела дать ответный удар пожилой женщине.

– Исчо раз увижу твоего кобеля в моём дому...

– Сдалися вы моему мужику, козы безрогие!

– Я боле терпеть ня буду, – Марфа замахнулась прутом на Степаниду. – Пожалуюсь, куда слéдоват... И пушай его посóдють!

Петровна плюнула возле ног Трофимовой и пошла прочь.

Наблюдая за склоками женщин, Мария никак не могла взять в толк, о чём был разговор.

– Порфирьюшка, подымайси... – Стешка тянула за руку мужа. – Слышь аль не?

Мужчина лежал на земле, закрыв голову руками.

– Смылилась старуха? – подал голос Трофимов.

– А куды ей деваться? Улетела, як осенний лист... – ответила Стешка.

– Осенний лист... – повторил побитый Порфирий и встал на ноги. – Тьфу, стерлядь сушёная! Не углядел, шо она меня заприметила...

– Тише ты! – шепнула Степанида. – Ушей в округе, як блох на кутенёнке... Пшёл до хаты, злыдень...

Войдя в дом, Стешка дала оплеуху мужу по его зальсине.

– Шоб ты пропал, гнида окаянная... – ругалась жена. – Скольки разов тебе втрорить: не можно, шоб заприметили...

– Стеша, ну, я ж не повинен... – полез целовать свою женщину Порфирий. – Ну, никто ж не мог прознять, шо эта курва старая в дому восседаеть...

– Коли с работой не ладиться, то бывай в аккурате без глазу... – психовала Трофимова, наставляя мужа.

– Голубушка ты моя, – Порфирий вновь поцеловал жену. – Умнейший мой человек... Прбшу извинений... Ни в коем разе не получу огласки...

Наобнимавшись со своей зазновой, Порфирий достал горькую в малюсенькой таре.

– Ну надо же, не разбилась... Може, дерябнем?

– А давай, – улыбнулась Стешка, усаживаясь за стол.

– До чего ж собачные, – подумала Машка, наливая воду поросётам в корыто. – Не дай божий прозябать с таким мужиком... Ох, Стешка, наплачиси ты исчо с ентим иродом...

Мария накормила скот и пошла в хату.

– На сторожевую? – задала вопрос Ивану, который собирал харчи на ночь.

– Правда... – ответил Ванька и добавил. – Ночью прискачешь, али не ждать?

– А як же ж, – улыбнулась Маня, выкладывая куриные яйца на стол.

Ночь.

– Ложитесь спать, поздно ужо, – скомандовала Маша детям.

– А ты куды? – удивилась Нюся, наблюдая, как мама собирается уходить, скручивая мешок в трубочку.

– Я скоренько... ложитесь...

Темно. Только луна освещает дорогу женщине. Чтобы не попасться на глаза местным жителям, Мария пошла к конюшне вдоль реки, где её ожидал муж Иван.

– Мешок принесла? – поинтересовался тихим голосом Ванька, ополаскивая руки в холодной реке.

– Во, – Манька развернула ношу и подала.

– Возвернёмся на конюшню – зерна прихватишь... – складывал разделанные тушки ондатр в мешок. – Дотащишь?

– А куды ж деваться? – усмехнулась Маня, наблюдая за мужем.

– Лишь бы Трофимовы не заприметили. Язык, шо помело... Ой, вредные-е...

– А где сейчас Порфирий? Як же ж я на конюшню приду? – заволновалась жена Грищенко.

– Сказал, шо спина болить опосля прута. Скулил-скулил надо мною, отправил я его до хаты. Надоел, хуже горькой редьки.

– Да-а, лихо его Марфа воспитала, – рассмеялась женщина.

– Цыть! – ещё тише заговорил Ваня. – Куды горло дерёшь? Заметит кто-то...

– Ой, – закрыла рот ладошкой и присела на корточки. – Я и запомывала.

Мария нежно улыбнулась. В темноте, хотя и не видно ничего, но Иван разглядел её улыбку и ответил тем же.

– А интересно, за шо енто Петровна его так... по хребту...

– Знамо дело, за шо... – Ваня взял мешок и двинулся к конюшне.

– А ты откудова знаешь? – рядом семенила Маня.

– Сам ловил и не раз...

– Да ну... А где?

– Где-где, на конюшне, да и так...

– Ой, батюшки... – покачала головой Мария. – А ведь и вправду посóдють...

– Ничо́го Марфа не дока́жить... ежели кто-нить к ней не присоединится... то... Будя, об чём калякать, сам влез, вот пуцай сам и вылезай.

Добравшись до конюшни, Иван ещё раз сделал обход, проверил, пересчитал и вынес ведро с зерном.

– Платком накрой по верху, а то мало ль...

– Знаю... А ты до утрачка?

– Ага, был бы сосед тут, мог бы до дому с ночёвкой, но боле не оставлю хозяйство на него – ненадёжный, спасу нет... Помнишь тот день, када я плечом обгорел?

Мария махнула головой в знак согласия и вытаращила глаза, ожидая новостей, о которых она не знает.

– Так ентон пожарник прибёг, меня всполошил, а самого-то ветром сдуло... Я ж до хаты возвернулси, потом в конюшню, а его и след простыл...

Маша сжала челюсти. Естественно, она прекрасно всё помнит и никогда не забудет, потому что именно в тот день Маша впервые, по уговору соседки Стешки, пошла проверять мужа на наличие любовницы. И до сих пор женщине стыдно за этот поступок.

– Может, он тама же был, у хаты Мельника, а ты его не заприметил?

– Может и так. Мог бы попозжэй на сторожевую возвратиться, он – нет. Бог с ним... Ты давай, иди, а то ночь на дворе, тебе вставать ранёнько...

Мария попрощалась с мужем и направилась к дому. Проходя вдоль реки, стараясь держаться зарослей, она услышала до боли знакомый женский смех. Остановилась.

– А я ей говорю: «Скажи, шо ребёнок от него, делов-то... – по всей видимости женщина рассказывала о каком-то случае. – А она мне: «А он же семейный...». Вот дура, так дура...

Женщина ещё громче рассмеялась.

– Тс-с-с, – прошипел мужской голос. – Тут кто-то есть.

Услышав эти слова, Мария дала дёру. Бежала так, будто за ней гнались волки или того хуже – медведи, коих она боится с детства.

Глава 5

Конец пятидесятих.

Как обычно, Нюся встала рано утром и занялась домашним хозяйством: покормила поросят и выпустила их погулять, налила воды курам, насыпала в кормушку корм.

– Сёдня отец подменяет пастуха, – Мария подоила корову и вышла из сарая, неся ведро с молоком. – Пойдёшь с им?

– Пойду, – с радостью в голосе ответила девочка и вприпрыжку побежала в хату.

– А я? – заворчал Володя, услышав разговор между сестрой и матерью. – Мне тоже хотца...

– Нет, ты никуда не пойдёшь, – строго посмотрела на сына Маша. – Ищи его опосля. Забыл, как в прошлом гóде тебя папка обыскалси? А ты шо сделал?

– В посадки убёг, – насупился мальчонка и посмотрел исподлобья на мать. – Я хотел проверить, если кто в мурашнике...

– Ну шо, проверил?

Володька кивнул головой в знак согласия.

– Вот и сиди теперича в хате! – Мария взяла банку, чтобы процедить молоко.

– Вечно эта Нюська всюду поспеваить, – сорвал длинную травинку и начал завязывать её в узелки. – Вот вырасту и буду самый первый, лучше вас всех.

– Остаёсси за старшого, – давала наказ Маня, собираясь на работу. – И не вздумай начудить чаво! Быстро образумлю...

– Ла-адно, – протянул Вовка.

Нюся бегала по хате, собираясь в поле: искала длинную рубашонку, чтобы не покусали слепни.

– Бери прут и гони Бурёнку, отец уже собираить стадо.

Девочка переоделась, вышла во двор и пошла к сараю. Погладила корову между рог, сняла верёвку с её шеи.

– А ну, пшла, пшла на поле, – приказала Нюся, показывая рукой в сторону двери. Бурёнка послушно вышла на улицу и зашагала на дорогу, отмахиваясь хвостом от надоедливых мух.

Нюся гордо шла позади любимицы и держала прут перед собой. Она чувствовала огромную ответственность. А как же иначе? Отец ведь берёт её напарником на взрослую работу. Все дети хвастались друг перед другом, когда возвращались с пастбищ и полей. То ли дело полоть грядки – это ерунда. А управлять огромным стадом, как взрослый человек, – вот, где престиж.

– О, здоров, – произнёс Сашка, выгоняя свою корову на дорогу. – Ты тоже на поле?

– Тоже? – удивилась Нюся.

– Дык и я иду с вами, – улыбнулся мальчик.

– Вот исчо! – подгоняла девочка Бурёнку, стараясь обогнать соседскую корову и её погонщика. – Делать тебе тама неча! Воротайся домой, я доведу вашу Дбчу.

– Не-е, нельзя, мне мать наказала, шо б я шёл с вами, – упирался Саша. – Наша Дочка быкастая, того и гляди – пырнёт кого...

– Как хошь, – Нюся подняла свой курносый носик к небу и зашагала, как храбрый солдат. Собрав всех коров в назначенном месте, Иван сел на коня и скомандовал:

– А ну, пошли! – щёлкнул кнутом в воздухе.

Стадо медленно потянулось к полю.

– Вчерась мамка с батькой поругалась, – вдруг заговорил Саша. – Ну и крикливая же моя маманька...

– Мне-то какое дело? – перебила Нюся. – Твоя мамка шибко сплетничает, усе об ентом знають!

– Ну и шо? – нахмурился Сашка, стараясь не отставать от соседки. – Да ну тебя, не хочу рассказывать...

– И не надо! – махнула прутом и побежала к отцу.

В поле коровы немного попаслись и прилегли на траву. Солнце поднялось высоко. Жара. Только и слышно, как коровушки жуют «жвачку» и шлёпают хвостом по своему телу, дабы избавиться от кусачих насекомых.

Иван с детьми расположился поодаль от отдыхающего стада. Нюся постелила платок, на котором Ванька разложил харчи: варёные яйца, хлеб, молоко. Пастухи присели на траву.

– Пообедаем и дальше пойдем, – сказал отец Нюси и огляделся.

Вдали он заприметил прогуливающуюся беглянку, которая, по рассказам пастуха, частенько отбивалась от всеобщего коровьего коллектива.

– Едрит твою налево! – ругнулся Грищенко. – Шоб тебе пусто было, вша прыгучая!

Нюся подняла голову.

– А можно я? – вдруг вскочила на ноги девочка. – Пап, я пригоню!

– Беги, – спокойно ответил отец.

Нюська бросила надменный взгляд на Сашку и гордо зашагала к пятнистой корове.

– Пусть завидует, – шептала себе под нос, помахивая прутом.

Подойдя ближе, девчужка обратила внимание, как рогатая подняла голову и уставилась на неё. Стало не по себе.

– А ну, воротайся! – крикнула Нюська и махнула прутом так, что он издал свист.

Корова не сдвинулась с места.

– Чаво глядишь? В стадо! Кому говорю?

Беглянка сделала пару шагов навстречу и снова встала как вкопанная. Между рогатой и маленькой пастушкой оставалось метров десять.

– Ну, я тебе щас... – только собралась бежать к непослушной скотине, как тут же корова рванула вперёд, направив рога.

– Нюська, беги! – запрыгнул на коня Иван. – Беги ко мне!

Что есть мочи девочка ринулась к отцу.

Она спотыкалась, но всё же добежала до отца быстро. Пытаясь отдышаться, обернулась.

– Стоять! Шельма... – крикнул Иван на корову и щёлкнул кнутом.

Рогатая остановилась и взбрыкнула. Правым копытом два раза ударила по земле и всё-таки присоединилась к стаду.

– Вот ведь падла! – психанул мужчина, слез с коня и предупредил дочь. – Не отходи далече от меня.

Насколько же сильно он испугался за Нюську – словами не передать. Вспоминая отдельный случай в хуторе, Ваня дёрнул плечом.

– Чья эта бестия? – поинтересовался мужчина у детей.

– Наша, – Саша опустил голову. – Она никого не трогает, только пугает.

– Ага, пугаеть, – нервничал Грищенко, сворачивая длинный кнут на руке. – Такие на рога посодють и прокатють, будь здоров...

Нюся сидела на траве и держалась за горло, будто её кто-то душил.

– Тебе плохо? – Сашка присел рядом.

– Исчо чаво... – отвернулась девчужка, скрывая слёзы. – Запы́халась...

Александр чувствовал себя виноватым перед соседкой. Всё-таки нужно было ему самому завернуть корову в стадо, зная, что их Дочка норовистая и характерная.

– Был один случай, – начал свой рассказ Грищенко, запивая волнение молоком. – Посадила одна такая пацанёнка на роги... Я в то время исчо под стол ходил... На моих глазах усё случилось...

Дети молча смотрели на Ивана. Саша крутил мысль в голове: «Слава Богу, шо усё обошлось... Нюська – другая... особенная...»

Ковыряясь в свекле, Мария почувствовала пристальные взгляды на себе. Выпрямилась и посмотрела по сторонам. Слева, недалеко от неё, стояли две женщины и оживлённо переговаривались, посматривая на жену Грищенко. Одну из работниц она узнала – Лидия Иванова.

– Ну, чё ты уставилась? – прошептала Маша, потирая спину. – Сплетни собираешь, не иначе...

– Машка! – одна из женщин крикнула, решившись подойти к Мане. – А ты у нас терпящая, як божья мать, как я погляжу...

– Шо? – не поняла Мария, продолжая продёргивать свекольные отростки.

– Я об чём гутарю... – женщина подошла поближе и задала вопрос. – Ты слепая, шо ли? Не видишь, шо в округе происходит? Вот я слушаю-слушаю и не вразумею, тебе так нравится жить меж двух огней?

– Шо? – Маша встала во весь рост и посмотрела в глаза женщине. Это была Галина Рябченко.

– Хватить вопросами кидаться, – Галя встала перед Машей. – Не шокай!

Галька никогда не была замужем, только до войны она имела единственную первую любовь в виде несовершеннолетнего парня, который был моложе на десять лет. До сих пор живёт в полном одиночестве. Бездетная.

– Тебя якья крыса укусила? – взъерепенилась Мария. – От меня чаво надобно? Мы ж даже не соседки, чаво прискакала? И родственным от нас не пахнуть...

– Меня интерес за стока лет берёт – кто ты такая? – засмеялась Галина. – Психованная аль больная?

Галка намекала на тот случай, когда Мария застала Ивана за любовными утехами.

Поздно вечером пастухи вернулись домой. Уставшая Нюся валилась с ног.

– Только матери об ентом случае – молчок, – предупредил отец, загоняя Бурёнку в хлев.

– Ладно, – зевала девочка, стараясь не уснуть на ходу.

Пожинав и помывшись в корыте, Нюся легла спать.

Всю ночь ей снилось поле, устланное красивыми цветами: васильки, ромашки, колокольчики. А также мухи, слепни и корова, которая бежит за ней. Девочка бежала с поля к хутору. Добежала до реки и плюхнулась в неё. Переплыв на другой берег, обернулась. Пятнистая преследовательница осталась ждать на том берегу. Нюся вылезла из воды и побрела к родной хате.

Холодно, мокрая одежда прилипла к телу. Вдруг за спиной она услышала мычание. Остановилась. Услышав топот копыт по земле, присела на корточки, закрыла голову руками и закричала.

– Ты чаво? – вдруг послышался голос матери. – Шо с тобой?

Нюся открыла глаза, на кровати сидела мама и гладила её по голове.

– Приснилось шо? – заволновалась Мария.

– Корова... – протёрла глаза Нюся и шмыгнула носом. – Бежала за мной...

– Енто к добру, – прошептала Маша и поцеловала дочь. – Значить, усё у тебя будет хорошо в жизни... Спи.

Маня подоткнула одеяло, ещё раз поцеловала девочку и ушла спать.

– Ага, к добру, – прошептала Нюся, заворачиваясь в одеяло. – Вона, роги у неё, як вилы кривые...

Утро началось, как обычно, с хозяйства. Нюся волокла тяжеленное ведро с водой, чтобы напоить поросят.

– Чу, чу, говорю, куды пятаки свои суёте? – ругалась девчущка на нетерпеливых хрюшек.

- Нюська! – во двор семьи Грищенко забежал Саша. – Где ты?
- Шо тебе? – девочка была не рада гостю. – Чаво припёрся?
- Слыхал разговор моей мамки с...
- Опять? Не хочу слушать ваших сплетен!
- Не, тут другое, – запыхался мальчик. – Коров забирають в колхоз!
- Шо? Придумал же...
- Правду говорю, – опустил голову Сашка. – Как теперича без них?
- Не верю, – Нюся поставила ведро на землю. – Как же надоели вы со своей мамашей...

Иди отсель!

Вечер.

Первой с работы вернулась Мария. Хлопнув входной дверью, вошла в хату, села на табурет и облокотилась рукой о стол. Немного помолчав, приложила ладонь ко лбу и заскулила, как маленький щенок.

- Мам, шо ты? Шо с тобой? – из комнаты выбежала дочь. – Заболела?
- Хужей, – всхлипнула женщина и посмотрела на Нюсю. – Забирають нашу кормилицу...
- Шо? Как енто? – удивилась Нюська, заметив слёзы на глазах мамы. – Куды?
- У колхоз... приказанье получил весь хутор... Ой, божечки... – положив руки на стол,

Маня упёрлась в них лицом и заревела.

Девочка обняла мать, поцеловала в затылок и выбежала на улицу. Постояв немного у сарая, вошла внутрь. Бурёнка будто бы поняла, в чём дело, – встала на ноги и замычала. От этого Нюське стало ещё тоскливее. Она обняла корову за шею и заплакала. Бурёнка молча жевала «жвачку».

На следующий день отец повёл кормилицу на ферму. Нюся выбежала провожать. Ноги тряслись от волнения и обиды.

- Так нечестно, – рассуждала девочка. – Так нельзя...
- Не нам решать, – ответил Иван, скрывая горе на лице. – Надо, так надо...

На дорогу потихоньку выходили соседи, каждый вёл на верёвке самого дорогого члена семьи. Мужики кричали на жён, которые не хотели отпускать кормилицу, а кто-то из женщин шёл позади и громко рыдал.

- Шо теперича будеть? – причитали женщины. – Как жить-то? Шо ж енто делается?

Первую неделю Нюся не могла привыкнуть к тому, что Бурёнки нет в сарае. Проснувшись утром, девочка первым делом бежала в хлев, чтобы накормить любимицу и погладить её мокрый и холодный нос. Остановившись у сарая, девчушка тут же вспоминала – коровы нет в стойле. Опустив голову, шла кормить поросят и кур.

- Нечестно, – всхлипывала Нюся, волоча ведро с водой. – Так нечестно...

Ближе к обеду в гости заглянул Саша.

- Нюсь, айда на речку раков ловить!
- Не хочу, – с грустью ответила девочка, сидя на завалинке.
- Ты чаво? – не понял Сашка и присел рядом. – Пошли, говорю, там все наши собираются...

Нюся подняла голову, её глаза были полны слёз.

– Ты из-за Бурёнки, шо ли? – спросил мальчишка. – Понятно... моя маманька тоже до сих пор ревёт...

- Разве так можно? Отбирать... – слёзы потекли по щекам. – Чужое...
- Как говорить моя мамка – «Мы люди маленькие, шо нам скажут, то и делаем».
- Ненавижу усё енто...

– Нюся, – Сашка взял соседку за руку, – Всем шас тяжко, не только тебе... Пойдём на речку...

Нюся улыбнулась, вытерла лицо, позвала брата, и ребятня двинулась к реке.

– Здорóва! – на берегу детей встретили друзья.
– Много наловили? – поинтересовался Саша.
– Не, чичас не время, – Витька стоял по колено в воде и всматривался в воду. – Надо вечером приходиться. Сами выползуть.
– А мой папка вчерась ведро притащил, днём, – Глашка сидела на берегу, поджав ноги. – Цельное ведро!
– Угу, – ухмыльнулся Витя, закатывая штанины повыше. – Охотно верю...
Ребята рассмеялись.
– Чаво ржéте? Кобылы! – психанула Глаша. – Я правду говорю!
– Конечно, правду, – продолжил Витька, заходя подальше в воду. – Дядька Порфирий у нас на все руки мастер!
– Заборы чинить, – кто-то из мальчишек не удержался. – Тёткам местным!
Компания раздалась громким смехом.
– Шо? – Глаша встала на ноги. – Каким ещё тёткам, шо ты городишь?
– Будет вам! – разозлился Сашка. – Нашли, об чём трепаться!
Нюся посмотрела на Сашу удивлёнными глазами. Ей было невдомёк, что ребяташки имели в виду.
Детский смех перебил Володя.
– А тётя Тамара любит моего папку.
Услышав такую новость, дети обернулись и посмотрели на Вовку, сощурившись.
– Ты шо несёшь, придурь? – прошептала Нюся. – Замолчь...
– А я знаю! – радостным голосом выкрикнула Глашка, широко улыбнувшись, оголяя дёсны.
– Ты-то куды? – Саша подошёл к Трофимовой вплотную. – Откуда тебе знать? Мала исчо!
– Знаю-знаю, я усё знаю! – запрыгала на месте Глаша. – Моя мамка с папкой об ентом говорили, а я услышала! А исчо мамка говорила, шо у Нюськи брат растёт!
– А ну! – Сашка замахнулся, сжав кулак. – Замолчь, я сказал!
Нюся смотрела на ребят, округлив глаза. Она не смогла проронить ни слова.
– Знамо дело, – подхватил Витька. – Все об ентом знают...
– Неправда, – голос Нюси охрип от волнения. – Брехня усё енто!
– Я сама видала, – Глашку так и распирало. – Енто было исчо весной. Мамка моя пошла к воспиталке ругаться с её бабкой, а я за на ней увязалась... Мамка орёт, а мальчонка на улице спал... Чернявенький такой...
Глаша закрыла глаза от умиления, вспоминая маленького ребёнка.
– Вот бы мне братика, а то одной скучно... – Трофимова опустила голову. – Везёт же некоторым.
– Брешешь! – закричала Нюся. – Брешешь! Папка мой хороший!
– Спроси, у кого хошь! – Глашка поставила руки на бока и выставила одну ногу вперёд, повторяя все привычки за матерью. – Моя мамка усё обо всех знает!
– Ах ты, дура! – неожиданно Нюся ударила девочку по лицу. – Дура ты! Дура паршивая! Несколько раз ударив по лицу соседкую дочь, Нюся разревелась.
От боли и обиды заплакала и Глашка. Она потёрла разгоревшиеся щёки и побежала домой. Мальчишки молча смотрели на ревущую Нюську и убегающую Глашу.
– Во дела, – негромко произнёс Витька и вышел на берег. – Держись, Нюська, шкандалю теперича не оберёсса.
Немного помолчав, ребяташки пошли в воду искать раков. До самого вечера дети пробыли на реке. Раков всё-таки удалось наловить. Сашка поделился с Нюсей, положив в ведро несколько штук.
Возвращаясь домой, Саша нарвал цветов для Нюси.

– Волóшка, – девочка приняла букет с синими цветочками от соседа.

– Василёк, – гордо произнёс Сашка.

– Не, колокольчики, – рассмеялась Нюся.

– Как хошь, – Александр не настаивал.

Подходя к мазанке Грищенко, дети услышали крики.

– Глашкина мамка... – шепнул Саша.

У Нюси по спине пробежала мелкая дрожь.

– Ой, шо щас буде-еть... – маленький Володька обрадовался.

Возле Нюскиной хаты стояла Степанида и во всё горло кричала на Марию.

– Жульё, – кричала соседка на всю улицу, стоя у забора. – Шоб вам усем пусто було!

– Иди, куды шла, – отвечала громко Маша, развешивая бельё на верёвку. – Ты шо, рядом стояла?

– Усю полóву повытаскали! Соседи называется! Шоб вас усех пересадили, Шоб у вас зенки полопалиси! Шоб вы усе по миру пошли, як мыши полявые!

– Замолкни, дурная! Не гневи Бога, а то я... – Маня с кривой улыбкой подошла поближе. – Лучше бы тебе помолчать! А то ведь я то ж свой язык развяжу!

– Тю, напужала, коза безрогая! – выпятив живот вперёд, Стешка сплюнула. – Тьфу, я усё доложу председателю. Вы меня исчо попомните!

– Агась, иди-иди...

Через несколько дней Ивана отстранили от работы в конюшне.

– Приплыли, – сидя за столом горевал Ваня. – Какая же собака так постаралась?

– Известно какая, – Мария вытирала стол. – Соседка грозилась...

– Стешка? – насупился Иван.

– А кто ж...

– Ну, погоди, стерва, – пробурчал Грищенко и двинулся к выходу.

– Куды? – Мария опешила.

В доме Трофимовых входная дверь заходила ходуном. Иван стучал кулаком со всей силы и что-то бормотал.

– Кто енто? – вышел Порфирий на улицу. – Кто мою хату разносить?

Перед хозяином дома стоял раскрасневшийся от злобы бывший конюх Иван.

– Ты чаво балуешь? – голос Порфирия прозвучал на несколько тонов ниже.

– Зови её! – крикнул Ванька, высматривая жену Трофимова. – Зови её сюды, шельму!

– Э-э, погодь-погодь, соседушка, ты чаво буянишь? Чаво случилось? Ежели бабы чё и не поделили, то нам с тобою в энтонь своре делать неча...

– Твоя баба везде свой длинный нос суёт! Хочу ей объяснить, шо клеветничать на соседа – енто последнее дело!

– Енто когда ж моя жёнка клеветой кидаласи? – Порфирий соорил удивлённое лицо, но от страха попятился назад.

– Ты, сучье вымя, с конюшни полóву и зерно прикарманиваешь, а виноватый я?

– Чу, енто када я таким гнусным делом занималси?

– В прошлом гóде... Запомятовал? Я же тебя прикрывал... – Ваня ударил кулаком в открытую дверь.

– Ну, будя, будя... А шо Стеша тебя закладывала – енто не могёт быть.

– Она! Больше некому! – Ванька не унимался. – Зови!

– И шо енто мы туточки раскричалися? – Степанида с важным видом вышла на улицу. – И пошто, дорогой соседушка, в столь поздний час ты лишаешь нас спокойствия? Али жёнки дома нетути? Али прильнуть не к кому? Скучашь поди...

– Ты мне тута воду не муди! – Иван закурил папироску и уставился на хозяйку дома. – Не живётся тебе, как я погляжу... Не живётся в спокойствии...

- Дык как жить, коли ты криком кричишь и дверь выламываешь?
- Признавайси, ты донесла на меня клевету?
- Ну, если и я, дальше чё? – Стеша встала в привычную ей позу, уперев руки в боки. – Грозить припёрси, не иначе... А будешь угрозами кидаться, я и до самой власти дойду! Найдуть на тебя управу!
- До какой власти, дура? – Ваня бросил бычок на землю. – Думай, шо ты брешешь на добрых людей! Сами-то давненько честными стали?
- Порфирий вышел вперёд, загородив собой жену.
- Ничо́го не знаем, мы люди честные, – зная, что Стешка заступится, Порфирий повысил голос и не заметил, как ляпнул лишнего. – Иди отсель подобру-поздорову... А то беды не оберёсси! То дети у них родятся от любовниц, то водовка пропадает...
- Агась, – рассмеялся Грищенко, поняв, что сосед проболтался. – Мало тебя Петровна по хребту охаживала!
- Какая водовка? – удивилась Степанида. – Где?
- Глупой жене и невдомёк было, что её муж промышляет по чужим погребам, а потом ночами распивает горькую с посторонними.
- Порфирий, я шо-то не вразумею, – обернулась к мужу женщина. – Обоснуй...
- Стешенька, глупость усё енто, ты не слухай его. Ванька туточки тебе всякого наговóрит, шоб с толку сбить, – замялся Трофимов.
- Так и думала, – повернулась Стешка к Ивану. – Брешете на моего мужика, шо ты, шо Манька!
- Степанида! Окромя тебя, никто такими делами не занимается! Заканчивай перекладывать с больной головы на здоровую!
- А то шо? Спалишь нас, как Мельников?
- Шо? – у Ивана вытянулось лицо, рот приоткрылся от удивления. – Каких Мельников?
- Слыхали, знаем... – ехидно улыбнулась Степанида. – Папироску им подкинул, а сам с евоной женой на сеновал!
- Ты шо трепишь, паскудина? – глаза Грищенко покраснелись от напряжения. – Ты шо метёшь, помело дворово́е?
- Иван медленным шагом подошёл к Стешке вплотную. Одной рукой, не помня себя, схватил женщину за плечо и сжал с усилием.
- Откудова ты берёшь такие вести? – Иван перевёл взгляд на Трофимова. – Ты, что ли, брехнёй маесси?
- У Порфирия затряслись ноги, от испуга он громко сглотнул слюну, но не смог сказать ни слова в ответ. Стешка молча смотрела на соседа, привстав на мысочки.
- Сучьи потроха! Я вам устрою Кузькину мать! Я вас всех...
- Карау-ул! – закричала Степанида, но вырваться даже не пыталась.
- На крики соседки прибежала Мария.
- Иван! – испугалась Грищенко за последствия. – Пушай живуть! Не лезь!
- Не лезь? – Ванька повернул голову и сжал челюсти. – Не лезь? Эти выродки житья не дают, а я не лезь? Дык кто тута у нас с женой Мельника по сеновалам?
- Участники скандала молчали, Степанида смотрела на Марию и ждала, что соседка заступится, всё-таки разъярённый мужик – это страх Божий.
- С какой женой? – Маша посмотрела на мужа испуганно.
- С Мельниковой! – грубым голосом повторил Ваня.
- А енто тута причём? – Манька не понимала, что происходит, муж ведь пошёл к соседям совсем по другому вопросу.
- Брехню на меня кидают, шо я... – не успел Иван договорить, как Мария его перебила.

– Ах, вона шо... – тут уже Мария решила – хватит терпеть и молчать, пора говорить правду. – И сюды моего муженька приписала...

Стешка так же стояла на цыпочках и смотрела на семью Грищенко выпученными глазами.

– Ах, ты ж тарань сушёная! – Маша одёрнула руку мужа, и тот отпустил соседку. – Ах, ты ж выдра потрошёная! Я же гутарила – за своим сляди! А теперича расскажи-ка, Порфирюшка, чей же платочек беленький жёнка твоя прикарманила?

Порфирию захотелось провалиться сквозь землю. Что же теперь делать? Как выкручиваться? Степанида, если узнает правду, быстро от него избавится, свернув шею. Такую женщину обманывать нельзя, да и куда он теперь без неё – привык к своей родной Стешеньке, да и дочка подрастает.

– Какой-такой платочек? – оживился Трофимов, пытаясь скрыться в хате. – Ничёго я не знаю, об чём ты мене тут гутаришь...

– С красными цветочками... – добавила низким голосом Мария, взглянув на Стешку. – Тот, шо на сеновале ты нашла...

Ох, не хотелось Степаниде вспоминать про находку – присвоила она себе «подарочек» с превеликим удовольствием.

– Не помню, – вдруг выпалила хозяйка дома.

– Запаятовала? Дык я напомним, – стыдно Маньке было признаваться, как, почти год назад, приходила на конюшню проверять мужа, но соседей необходимо поставить на место, чтобы больше неповадно было лезть в чужую семью. – Када Порфирия мы поймали с женщиной на сёнце... А? Вспомнила?

– Енто когда ж? – Иван посмотрел на жену. – Ты не сказывала...

– Вот теперича рассказываю. В ту ночь ты пришел домой обожжённый... И подумал, шо кудый-то я собралася, а я домой уже вернулася...

– Так ты шо? На конюшне была?

– Была, Ванюш... – Маша опустила глаза. – И усё из-за ентои злыдни! Сбила меня с толку. Иди, говорит, проверяй – мужик твой с Томкой!

– Ах, вона шо... – ещё сильнее разозлился Иван. – Меня, значит, проверять... Хорошо ж ты устроилси, Порфирий... Рыло своё мохнатое под тюфяк, а меня по хребту? Давно ль Рябой заборы перестал чинить да огород перекапывать?

Все разом взглянули на Трофимова.

– А шо я? Шо? – Порфирий хотел было уйти внутрь, попятившись назад, но жена его остановила.

– А ну! Стоять! – у Степаниды прорезался голос. – Огород? Рябой? Енто ты вот так подсоблять Ваньке на конюшню бегал ночами?

– Стешенька, золотце моё...

– К Гальке Рябой? Она ж известная на хуторе... – Трофимова втянула голову и подняла плечи, будто готовилась к прыжку. – Енто ейный платок, шо ли, я на стогу нашла?

– Не её, Стешка, – Мария смотрела на семейную пару с презрением. – Лидки Ивановой.

– Шо? Как енто? Как Лидки? – Стеша начала заикаться.

– А вот так. Ентот платок подарила ей её подружанька, Томка! Мне Лидка сама сказывала и хвалилася исчо, показывая, какой же дорогой подарочек ей преподнесла подруженька ко дню рождению...

– Ах, ты ж гадына! – Степанида схватила мужа за последние волосёнки и нагнула его голову вниз. – Ах, ты ж кобелина треклятая! С Лидкой? Да исчо и к Рябой бегаешь?

Степанида завалила мужа на пол, схватила метлу и стала лупить вдоль спины. Порфирий кричал от боли и уворачивался. Просил прощения, но жена его не слышала.

Ваня и Маша не стали боле злорадствовать, ушли домой.

Стешка же, отлупив мужа как следует, рванула в дом Ивановых.

– Добрейшего вечерочка! – открыла дверь и с яростным взглядом поздоровалась с хозяевами дома.

– И тебе не хворать, – надменно ответила Лида, доедая варёное яйцо. – Стукать не научили? Влетела, як ураганище в чужую хату. Чаво тебе в такой поздний час от нас понадобилося?

Степанида слегка растерялась. Она совсем забыла, что Лидия Иванова не из пугливых, любит рассказывать чужие тайны посторонним людям, но без вранья. Если кто и пытался с ней спорить, то Лидка могла и врезать как следует. А Стешка драк боится. Даже когда Машка её за волосы таскала, Степанида не смогла вырваться.

– Я... – Стешка стояла у порога и пыталась на ходу придумать, зачем пришла. – Я...

– Шо ты? – Лида встала с табуретки. – Купить чаво хошь? Али новость принесла?

– Выйди ко мне, погутарить надобно... – Степанида выскочила на улицу.

Лидия вытерла рот рукой и пошла следом.

– Я туточки прознала... – глаза Стешки забегали. – Правда, шо ты с моим Порфирием...

– Ну, правда, и дальше шо?

Стешка никак не ожидала, что Иванова сразу признается в своих грехах.

– А ежели слух пустишь, я усем расскажу, как он ворует... – грубым голосом продолжила Лидка. – При мне было, сама видала. А исчо про хату Мельника я разузнала. Порфирий с пьяну мне усё доложил. А Мельника ты знаешь, он так просто не оставит енто. Посодють твоего ненаглядного на всю жизнь.

Стешка и ахнула. Ну всё против неё. Несколько свидетелей докажут, как Порфирий воровал казённое зерно, полóбу, всякие инструменты... Так тут ещё и по дворам чужим лазить повадилса, о чём она сама не знала.

Делать нечего, она молча кивнула головой и побрела до хаты.

Всю дорогу её мучили мысли о том, как она опростоволосилса, не замечая подлости от собственного мужа. Всегда Степанида Марии завидовала, какой у неё мужик хороший, работающий и красивый, поэтому и хотела развести семью Грищенко по разным сторонам, не задумываясь, что у них деток двое. Пока шла до дома, представила, а если вот так какая-нибудь из баб привадит её Порфирия, что тогда? Как жить вдвоём с ребёнком без мужской поддержки? И дочь будет горевать, что родной папка бросил их.

Дойдя до мазанки, Степанида села на завалинку и заплакала.

– Стешенька... – на полусогнутых ногах тихонечко приковылял Порфирий. – Золотце моё... Прости ты меня, Христа ради...

Стешка не обращала внимания на раскаяния мужа. Она сидела, закрыв лицо руками, и захлёбывалса от слёз.

– Бабонька моя... ну... – Порфирий не знал, как успокоить жену. Он чувствовал огромную вину перед нею. – Прости, прости... Бес попутал... Я сам не знаю, як усё енто приключилося... Ну, Стешенька... Ну, хошь, я на колени встану... Прости ты меня, окаянного...

Трофимов неожиданно заплакал.

– Енто ведь я тебе усё енто... Я виновный... Я... – уткнулся в плечо своей жены. – Наплёл с три короба, а ты... А ты поверила... Не думал я, шо ты полезеш к Маньке с ентим...

– Было у них шо, аль не? – Степанида резко перестала плакать, всхлипнула, вытерла нос краешком платка и с прищуром посмотрела на Порфирия.

– А? – Трофимов поднял голову от неожиданного вопроса. – Шо?

– Оглох? – Стешка совсем успокоилса и ждала ответа с нетерпением. – Было у него с Томкой аль не?

– Дык какая теперича разница? – удивился мужчина, растопырив свои маленькие глазёнки.

– Один другому дразнится, – кривлялса Стешка, сказав фразу противным голоском.

– Стеш, я думал... – Порфирий привстал. – Думал, мир у нас...
– Чем ты думал? Нечем уже тебе думать? Усё пропито, до ячменного зёрнышка усохлось! – Степанида встала, поправила платок. – Было?
– Да не ведаю я... Откуда мене знать...
– Э-э, – щёлкнула мужа по затылку. – Я зачем тебя к нему приставила? Зачем председателю в ножки кланялася? Обрубок ты и есть... Сама усё разужнаю...
Плюнула в мужа и вошла в хату.
Эх, Стеша, Стеша, верно говорят: «Горбатого только лопата исправит».

Две недели соседи не разговаривали, обходили друг друга стороной. За это время Степанида заставила мужа договориться с председателем, чтобы Ивана взяли на работу, якобы Ванька прирождённый конюх, да и Порфирию одному тяжело. А то, что председателю пришла анонимка – это кто-то наклеветал на честного человека почём зря. Порфирий даже свидетелей в пользу Грищенко привёл, дабы доказать невиновность Ваньки.

– Кажись, Стешка похлопотала, – довольный Иван вернулся с работы домой. – А Порфирий-то так и скачет на задних лапках...
– Бог с ними, не об чем тут гутарить... – Мария накрывала стол к ужину. – Не хочу даже видеть енту семейку, подлые...
– Шо есть, то есть, – улыбнулся Ваня.

Глава 6

Конец сентября.

Как обычно местные ребятишки толпились у колонки, дожидаясь Потапыча, который развозил детей на своей телеге в школу и детский садик.

Володька в сад уже почти год как не ходит из-за скандала с воспитательницей Тамарой. Томка же водит своего сыночка в сад и всё дожидается прихода Ивана.

– Ну, вот и всё, – расстраивалась женщина, высматривая в окно возлюбленного. – Вовки нет, и Ванька теперича не придёт... Как глупо всё получилось... А сейчас бы жил со мной и воспитывал сына...

Потапыч с весёлым свистом остановил лошадь на перекрёстке.

– Тпру, стоять! А ну, шпана, запрыгивай! – скомандовал извозчик.

Шумные ребятишки залезали на телегу, усаживая младших на колени.

– Подождите! – послышался детский голос.

Дети обернулись на зов. Это бежала Глашка.

– Шевелись! – крикнул Витька. – Из-за тебя опоздаем! Дрыхнуть надо меньше!

Глаша подбежала к телеге и остановилась. Перед собой она увидела Нюсю.

– Давай руку, – Нюся потянулась было за Трофимовой, чтобы помочь ей взобраться. – Ну...

– Исчо чаво, – задыхаясь после пробежки, Глашка отвернула голову в сторону. – Я лучше возле Потапыча сяду.

Девчушка обошла телегу, Потапыч помог ей взобраться и дёрнул поводьями.

– Пошла, родимая! – крикнул лошади.

Кобыла послушно потопала по дороге.

– Чевой-то она? – удивлённо спросил Сашка у Нюси.

– А мне почём знать? – Грищенко стало неприятно от выходки соседки.

В школе девочки не обращали друг на друга никакого внимания. На перемене Нюся услышала разговор мальчишек, засевших на последней парте.

– Точно говорю, – упирался Витька, пытаясь убедить ребят в чём-то.

– Не верю, – Сашка раскраснелся от услышанного. – Брешешь...

– А мой батька сказал, шо... – один из мальчишек стал говорить ещё тише.

После ребятишки повернули головы и пристально посмотрели на Глашку, а потом на Нюську.

Нюся тихонечко подошла к мальчишкам, но Витя грозно сказал ей, чтобы отошла подальше, потому что в мужском разговоре ей участвовать никак нельзя. Девочка послушно вернулась на своё место. Ребята снова что-то оживлённо обсудили и вновь посмотрели на девочку.

Нюся почувствовала, как её щёки начинают пылать от волнения.

– Опять какие-то сплетни разносят, – тяжело вздохнула девчушка и уставилась в окно.

Уроки закончились, пора собираться домой. Нюся с презрением посмотрела на мальчишек, думая, что они настроены против неё, и вышла на улицу.

В школьном дворе росли плодовые деревья: яблоня, шпанка, слива, жердёлы. Нюся обожала прохаживаться по школьному саду. Здесь она представляла себя в будущем. Нюся очень хотела жить по-новому: без склок, без ругани, сплетен и зависти. Совсем не детские мечты для маленькоймышлёной девочки.

Прохаживаясь по саду, Нюся вспоминала Черныша – после потери любимца девочка не захотела иметь собаку, слишком болезненно она пережила утрату. В её маленькой головке плыли мысли, как река Левый Бейсужёк, где она часто проводит время с местными ребятами. Заплывы наперегонки, ловля раков, соревнования, кто больше продержится без воздуха под водой, камыши и... Сашка. Почему-то вдруг вспомнился Сашка, её сосед и одноклассник.

– Фу, чумной, такой же, как и все они... – плечи девочки передёрнулись от того, что в памяти всплыл образ Александра Иванова.

Нагулявшись по саду, Нюся решила, что пора идти домой. Выходя на дорогу, она услышала вопли ребят.

– Давай! Давай! Целься! – самый громкий крик издавал Витька, прыгая вокруг дерева. – Мазила!

– Сам попробуй! – кричал Сашка в ответ, махая руками. – Потом поглядим!

Нюся подходила всё ближе и ближе и никак не могла понять, что мальчишки вытворяют. То ли танцуют какой-то замысловатый танец вокруг старого дерева, то ли пытаются что-то рассмотреть. Но зачем они машут руками в прыжке – для неё была загадка. Именно это её и привлекло.

– А шо вы делаете? – задала вопрос озадаченная Нюся. – Чаво скачете?

– Не мешай, – толкнул одноклассницу Сашка, не оборачиваясь. Он подбирал камешки и стрелял ими куда-то из рогатки.

– Да шо тама? – Нюську охватило любопытство.

Яркое солнце светило так, что Нюся не могла разобрать, куда ребята бросают камни. Она пыталась рассмотреть что-то из-под козырька, сложенного из пальцев, но всё было бесполезно – солнечные лучи не давали увидеть дальше собственного носа.

– Мастер! – вдруг закричал Витя и подбежал к дереву. Что-то поднял с земли и торжественно завопил. – Попа-ал!

– Енто я попал, – занервничал Саша и подбежал к другу. – Отдай!

– Ишь ты, прыткой! – Витька явно был недоволен. – Себе сбей, а енто мой!

– Да шо у вас тама? – Нюся подбежала к Вите.

– Добыча... – довольный мальчик держал за лапку подбитого воробья.

Воробышко трепыхался в руках Витьки, пытаясь вырваться из цепких пальцев. Испуганная птичка махала крылышками и издавала странные звуки.

– Дай посмотреть, – попросила Нюсенька жалобным голосом.

Витька отдал птичку девочке. Нюся, зажав в руке воробья, ринулась бежать.

– А ну, стой! – закричали ребята и пустились вдогонку.

Нюся бежала, что есть силы, пытаясь спасти птицу. Неожиданно она споткнулась о какую-то железку и упала навзничь.

– Ай, мама! – взревела девочка и выпустила воробушка из рук.

Серый узник моментом взлетел ввысь.

– Воровка! – кричал Витя, подбежав к упавшей Нюсе.

– Да погоди ты... – Сашка догнал друга. – У ней ботинок слетел, гляди...

Мальчишки обратили внимание на большой палец правой ноги, который принял странное положение.

Девчушка плакала взахлёб. Мальчишки растерялись.

– Подымай её, – испуганный Саша приказал другу.

Виктор подхватил Нюсю под левую руку, Саша – под правую и поднял с земли слетевший ботинок. Решили вернуться в школу, может, учителя чем-нибудь помогут.

– Вывих, – посмотрела на ногу Акулина Ивановна, приподнимая очки. – Нужно к врачу.

Учительница сопровождала детей в поликлинику, где Нюсе вправили сустав и наложили гипс. Девочка две недели не посещала школу.

Сашка каждый день навещал одноклассницу и помогал делать домашние задания.

– Зачем вы птичек сбивали? – спросила как-то Нюся. – Слабых обижать нельзя.

– Да тута Витька рассказал одну примету, – покраснел Сашка и опустил голову. – Если поймать воробья и выпустить в своём дворе, вот куды он полетит – там и невеста твоя...

– Шо? – Нюська громко рассмеялась. – Дурень! Нету такой приметы... Сказок начитались!

– Можя, и нету... – Саше было очень стыдно. – Только...

Сашка поднял голову и пристально посмотрел на Нюсю.

– Нравишься ты мне...

– Иди ты, – щёки девчушки порозовели.

Юность

Глава 7

Прошло несколько лет. Июнь.

Нюсе уже шестнадцать. Закончив восьмилетку она пошла работать дояркой на ферму. Тяжело приходилось молодой девушке на ферме, но её подбадривала похвала со стороны матери.

– Умница моя, – радовалась за дочь Мария. – Тебя хвалят наши женщины. Так и говорят: «Какую дивчину вырастили Грищенко, трудолюбивую».

– Да ладно, мам, – скромничала дочь. – Все молодцы, работают как положено...

– А я всё ж радуюсь за тебя... – продолжала Маша хвалить Нюсю. – Вона, Глашку ругают как, а тебя хвалят...

– Глашка сама виноватая, отлынивает, ленится...

– Стешка её ничему не научила, – качала головой мама. – Даже стирать не умеет, вырастила лодыря.

Действительно, Степанида всё старалась делать сама по дому, а Глаша прикидывалась то больной, то слишком занятой. Когда пришло время устраиваться на работу, Глашка решила пойти в сельский совет счетоводом, но её не приняли, так как свободных мест не было, да и учиться дальше она не захотела.

– Выйду замуж, пускай муж работает, – усмехалась Трофимова. – Нарботаюсь исчо.

Но жизнь быстро расставила всё на свои места. Зимой скоростижно скончался Порфирий. В народе поговаривали, что он болел какой-то страшной болезнью. За последний год сильно иссох, кожа приняла серый оттенок, лицо осунулось.. Ложиться в больницу на лечение категорически отказался, принимал какие-то настойки, приготовленные местной знахаркой. Всё чаще Порфирий проводил время на завалинке, выкуривая одну папироску за другой. Так и нашла его жена бездыханным возле хаты.

Степанида погоревала пару месяцев, но делать нечего, нужно продолжать жить для дочери.

– Глашенька, надобно итить работать, – тихим голосом уговаривала Стеша дочь. – Шо люди скажут? Нехорошо так жить...

– Ай, ладно, мам, какая разница, шо они скажут, не их енто дело!

После долгих уговоров Глашка устроилась также на ферму. Она решила быть поближе к Нюске, которая была безотказной и во всём помогала.

– Чувствую я себя плохо, до сих пор переживаю... – показушно всхлипывала Глаша, показывая тем самым, как она не может смириться с потерей отца.

– Я тебе помогу, – отзывалась Нюся, жалея соседку. – Возьму твоих коров, только ты уж бери себя в руки, а то не ровен час заболеть от переживаний.

Нюся сильно уставала от двойной работы, но отказать не могла. Она тоже плакала, когда узнала, что отца у Глашки больше нет – страшно потерять родного человека.

Поздно вечером в гости к Грищенко пришёл Сашка, чтобы пригласить Нюсю на прогулку.

– Пойдём погуляем, – с улыбкой на лице предложил парень. – Вечер сёдня какой...

– Устала я, Саш, спать хотца, – вздыхала Нюся.

– Опять за Глашку работала?

– Плохо ей, сам понимаешь...

– Ага, а бегать на свиданки – силы есть.

– Да ну, не может быть... – удивилась Нюся. – Она же так плачет на ферме...

– А вечером смеётся, як кобыла. Совести у неё нету, а ты уж слишком доверчивая... Витька же с ней встречается, вот он мне и рассказал, как ей плохеет рядом с коровами...

– Вот зараза, – разозлилась Нюся. – Иди, Саш, не до тебя мне, спать пойду.

На следующий день всё повторилось: Глашка с расстроенным лицом просила соседку о помощи, пуская скупые слёзы. Нюська согласилась, но с условием, что завтра Глаша сделает всю работу за неё. Недолго думая, Трофимова пообещала выполнить её просьбу. Но на следующий день Глашка на ферму не пришла.

В обеденное время, закончив работу на ферме, Нюся зашла к соседке, чтобы отчитать её за невыполненное обещание. Долго стучала в дверь девушка, но никто не открыл. Покидая двор Трофимовых, услышала скрип двери. Обернулась.

На улицу вышла Глашка, вся растрёпанная и с сонными глазами.

– Чё пришла? – зевала Глаша.

– Почему на работу не явилася? – грубо спросила Нюся, открывая калитку.

– Не смогла...

– И чем же ты так была занята?

– Спала, не видно, шо ль? – Трофимова потянулась и ещё раз зевнула.

– Глаш, ну так не делается, ты ж обещала...

– Ну, обещала, – с ухмылкой ответила Глашка и тут же подбежала к Нюсе, озаряясь вокруг, зашептала. – Мы вчерась с Витькой... полночи просидели у реки... Ой, Нюська!

– Да шо такое? – не понимала Нюся, всматриваясь в лицо соседки.

– Он какую-то наливку припёр... – Трофимова покраснелась от волнения. – Мы выпили...

– Чу, дура! – воскликнула Нюся, отпихнув руками девушку. – Пить? Одурела?

– Ну и шо? Взрослые уже... – Глаша хитро улыбнулась. – Нюся-я-я... Если бы ты знала...

Соседка закружилась, будто танцует вокруг Нюси. Она смеялась так, якобы была пьяна до сих пор.

– Нюська! Я теперь знаю, шо такое женское счастье...

– Белены объелась? – Грищенко махнула рукой и поплелась домой обедать.

Нюся вошла в хату и остановилась. Она раздумывала о словах подруги: «Женское счастье? Этот как? Обнял, наверное, обнял и поцеловал... Вот гадость! Не о том надобно думать...».

Грищенко быстро перекусила, дала наказ брату насчёт домашнего хозяйства и вернулась на ферму.

– Нюська! – одна из доярок позвала девушку. – К тебе пришли! Бросай доить!

Грищенко перелила молоко в бидон и вышла на улицу.

– Здравствуй, – у ворот стоял Саша с букетом ромашек в руках. – Вот, принёс...

– Будет тебе, – застенчиво улыбнулась молодая доярка. – Хватит уже носить... стыд-то какой...

– А чё? Шо постыдного? – Санька удивился. – Захотел тебя порадовать...

– Саш, ну зачем? – девушка окунулась лицом в роскошный букет и глубоко вздохнула. – Глупо...

– Ничё не глупо! Пойдём сёдня гулять?

– Я подумаю...

– Ну, хватит уже думать! Пойдём!

– Приходи, как заря займётся...

Сашка в ответ кивнул головой, сел в трактор и поехал на поле.

– Дурачок! – усмехнулась Нюська, вошла в здание и накормила одну из коров ромашками.

После работы Нюся и Саша встретились на реке. Парнишка встречал подружку с очередным букетом.

– Аха–ах, – девушка не сдержалась. – Очередной Зорьке обед...

– Не понял, – Иванов возмутился.

– Не обращай внимания... – Нюська поняла, что сказала глупость.

– Меня скоро в армию заберут.

– Всем положено служить.

– Отдать долг Родине... – Сашка загрустил. – Нюсь, ты будешь меня ждать?

– Буду... – девушка пообещала просто так, не подумавши, что Сашка относится к ней серьёзно.

Просидев всю ночь на берегу, молодые люди вернулись домой только под утро.

Осень.

Друзья устроили весёлые проводы в армию для Сашки.

Вечером собрались на излюбленном месте – у реки и разожгли костёр. Пекли картошку, пели песни под баян, который принёс Витька.

– Наливай! – Пашка Лучников протянул стакан. – Чё сидим?

– За Саньку! – крикнули ребята. – Шоб служилось тебе легко!

– Весной и я ухожу, – прошептал кто-то.

– Усе там будем! – рассмеялся Витька и плеснул в стакан. Повернулся к Глашке. – А ты чё сидишь? Грустная какая-то...

– Ничё, – девушка пыталась очистить запечённую картофелину от твёрдой шкурки, с которой отшелушивался толстый слой золы.

– Ты чё такая недовольная? – Виктор не отставал.

– Говорю же, усё в порядке, – Трофимова нервничала и не обращала внимание на друга.

Витька провёл пальцами по кнопкам баяна и взглянул на Нюську.

– Грищенко, споешь?

– Какую? – улыбнулась Нюся.

– Смуглянку...

Грищенко махнула головой в знак согласия, и Виктор заиграл до боли знакомую всем мелодию. Нюся запела:

Как-то летом на рассвете

Заглянул в соседний сад.

Там смуглянка-молдаванка

Собирала виноград.

Я краснею, я бледнею,

Захотелось вдруг сказать:

Станем над рекою

Зорьки летние встречать!

Раскудрявый клен зеленый, лист резной,

Я влюбленный и смущенный пред тобой.

Клен зеленый, да клен кудрявый,

Да раскудрявый, резной...

Припев песни подхватывали все вместе.

Сашка загрустил, опустив голову.

- Три года... – вдруг заговорил Иванов. – Целых три года...
Он приобнял Нюсю и крепко-крепко прижал к себе.
- Ты чё? – вдруг перестала петь девушка, никак не ожидавшая объятий.
– Я чичас скажу... – Александр встал на ноги и при всех произнёс. – Как отслужу – женюсь на Нюське!
- Грищенко покраснела. Парни переглянулись.
- Вот енто молодец! – Витя тоже встал, подошёл к другу и хлопнул его по плечу.
– Соплив исчо, – буркнула Глашка. – Жениться он вздумал...
Трофимова бросила недоеденную картофелину в костёр, встала, поправила платье и пошла прочь.
- Эй, куды? – удивился Витя.
– Я её верну. – Нюська вскочила и побежала за подругой. – Гла-аш, погоди-и!
Глаша не обернулась на зов, она торопливо шагала в сторону дома.
– Глашка! – догнала её Нюся и вцепилась в руку. – Шо с тобой? Ты куды?
– Домой, не видишь, шо ли?
– Ты в последнее время сама не своя... С матерью шо-то или...
– Или... – Глашка остановилась и посмотрела на соседку.
– Обидел кто? – Нюся увидела, как в глазах Трофимовой блеснули слёзы.
– Ой, Нюська! – Глаша обняла подругу и зарыдала.
– Тихо... ты чаво? Объясни... – гладила по голове плачущую девушку.
– Вон, Сашка жениться на тебе собралси... – задыхалась Глашка, пытаясь объяснить что-то. – А я... я...
– Да шо стряслось-то?
– А он молчок! Кому я теперича такая нужная?
– Какая такая?
– Квашня порченая! – рыдала Глаша. – С приплодом...
– А мамка знает? – опешила Нюся от такой новости.
– Догадывается, – всхлипнула соседка.
– А Витька?
– Никто не знает... Шо ж теперича будет?
– Ничого не будет, – гладила по плечам подругу. – Поженитесь и будете жить, народите ребёночка...
– Да зачем он мне? – перестала плакать Глашка и одёрнула руки соседки. – Куды рожать? Не нагулялася исчо...
– Глаш, а об чём ты думала, када... Ладно, пошли до хаты, я тебя провожу. А с Витькой тебе надобно погугарить.
Глашка вытерла лицо и медленно потопала домой. Нюся шла рядом молча. Попрошавшись с подругой, решила зайти в сарай и проверить, накормлены ли поросята да куры. Закрывая калитку, девушка услышала, как мать отчитывает брата Вовку.
– Ишь чаво удумал! – ругалась Мария, размахивая руками. – Паскудник малолетний! Молоко исчо не обсохло, а усё туды ж! Я тебя научу! Я тебе быстро ума-то поприбавлю! Гадёньш!
– Мам, шо он опять учудил? – Нюся подошла к сараю и заглянула в открытую дверь.
– Курит! Поймала прохвоста за хлевом! Стоить и спичку цвёркаить! – трепала сына за плечо Маша, держа в руках пачку с папиросами. – А ну, быстро мне отвечай – где взял? Я кому говорю?
– На печке лежали... – нахмурился Володька, опустив голову.
– Батькины, шо ль?
– Батькины...

– И давно ты ентим балуесси?

– Только чичас хотел попробовать... – полушёпотом отвечал Вова, пытаясь не заплакать.

– Усё батьке доложу! Силов моих больше нетути! – Мария развернула сына и погнала в дом, толкая в спину. – То костры распалляить возле сараю, покуда не спалить! То цыплят учить плавать! Хватить с мене! Усё батьке будет сказано!

– Я больше не буду... – Володька пытался успокоить мать, лишь бы она ничего не говорила отцу.

В последнее время его любимый папка стал очень суровым и строгим по отношению к сыну. Недавно Вовка получил нагоняй от Ивана за то, что случайно выронил в воду ведро с рыбой, которую они ловили всё утро в реке. Рыбёшки уплыли, махнув хвостом на прощание.

– Бестолковщина! – ругнулся Иван и плюнул вслед уплывающей плотве. – Усё утро здесь просидели почём зря! Бери весло и гребки к берегу!

Володька послушно поднял с дна лодки весло и начал усердно размахивать руками.

– Дай сюды! – распахиваясь Ванька и схватился за весло. – Тьфу ты, як баба, ей-богу! Ничаво не могёшь! Драть надо було тебя як Сидорову козу, шоб мужиком стал!

В свои одиннадцать лет Володя был действительно слабоват. Худошавый мальчик выглядел вполне здоровым, но силой был обделён. Даже ведро с водой не мог дотащить до сарая, чтобы напоить домашних животных. Наливал половину ведра и нёс до хлева.

Как-то Мария разбудила рано утром детей, чтобы пойти на усадьбу и прополоть картофель, так Вовка, набегавшись с ребятами до рассвета, уснул между бороздами.

– А где енто Вовка? – распрямила спину Маня, потирая поясницу.

– Тама он, – недовольная Нюся махнула рукой.

– Вовка-паразит! А ну-ка, подымайси!

– Иду... – зевал Володя, пытаясь встать на ноги.

– Опять до утра с ребяташками таскалси? Ночью спать надобно...

Насмотревшись на полусонного сына, Мария всё же сжалилась и отправила его домой отсыпаться.

– Слабак, – ухмыльнулась Нюся, провожая брата взглядом. – Енто папка исчо не знает, какой ты помощник...

Наслушавшись, как мать ругает Вову из-за папирос, Нюська решила вернуться к друзьям, всё-таки проводы её одноклассника, нехорошо бросать компанию. Выходя со двора, девушка встретила с матерью Глашки.

– Нюська! Мамка дома? – подбежала Степанида, запыхавшись. – Дома аль не? Беда, Нюська!

Нюся не успела ничего ответить, как Стешка влетела в хату.

– Бешеная, – махнула рукой девушка и пошла к реке.

На берегу ребята весело проводили время. Витька, изрядно подвыпив, решил покататься на лодке. Компанию составить никто не решился, так как от Виктора можно было всего ожидать. Парни сидели на самодельной лавке и что-то бурно обсуждали. Костёр догорал, припасы закончились.

– Надо сбегать – пусто... – Лучников встал и, шатаясь, подошёл к воде. Умылся, вытер руки о штаны. – Ну, кто со мной?

– Может хватит, Паш? Посидели, и будет, – зевнул Сашка и обернулся, услышав топот. – Вернулась... А Глашка? Чаво она распахивалась?

– Не знаю, – Нюся не хотела говорить при всех.

– Дурная она какая-то стала, – Павел закурил папиросу от тлеющих угольков. – Нервная... Не ты ли виноват, Вить?

– А? – Витя уплыл далеко и не расслышал, о чём ему говорят. – Я ща!

Доплыв до берега, Витька кое-как вылез из лодки и тяжёлыми шагами дошёл до Саши.

– Поговорить мне с тобой надобно. Пойдём отойдём.
– Давай домой, – отмахнулся Саня.
– Не, пойдём... – Виктор потянул друга за рукав рубашки.
– Чёрт с тобой, – Саша встал и побрёл с другом за высокий куст крушины, который рос неподалёку.

– Секретничают, – улыбнулся Пашка и посмотрел на Ваньку Ильина с прищуром. – Айда со мной к бабке Пелагее. У неё есть, я знаю.

– Агась, а потом мамке сдаст, и я её знаю... – отнекивался Ваня, ковыряясь палкой в затушающем костре.

– Не дрейфь, бабка – наш человек, – подмигнул Паша.

Только ребята хотели двинуться за «живой водицей», как услышали крик с той стороны, куда ушли Сашка и Витя. Нюся встала с лавки и подошла к одноклассникам.

– Шо енто? – удивилась девушка, всматриваясь вдаль.

– Дерутся! – крикнул Пашка и рванул растаскивать друзей.

Саня и Витька катались по сырой траве, пытаясь ударить друг друга. Сашка изловчился, вырвался из цепких рук товарища и сел на него сверху.

– Брось, говоришь? – закричал Саша и начал бить кулаками друга. – Брось? Подруги, говоришь? Щас я тебе обтолкую, кто есть кто!

Иванов со всего размаху лупил Витьку, тот закрывал голову руками и что-то кричал в ответ. Павел подскочил к Саше и схватил его за порванную рубашку.

– Сдурели? Сашка, слезь с него!

Но Александр мёртвой хваткой удерживал Витю и не слышал Павла.

– Перестаньте! – закричала Нюся и заплакала.

Саша тут же остановился, все замолчали и уставились на девушку.

– Шо вы делаете? Вы же друзья! – Нюся громко всхлипнула и побежала в сторону поля.

– Нюся! – Сашка отпустил Витьку. – Нюсенька!

Резко вскочил на ноги, протёр лоб рукой и злобно посмотрел на лежащего одноклассника.

– Исчо хоть раз вякнешь... – погрозил кулаком и рванул догонять Грищенко.

– Чё случилось? – Паша осматривал синяк под глазом. – Чаво не поделили?

– Не твоё собачье дело, – с трудом Витька встал на ноги и поплёлся к воде, чтобы умыться. – Дуракам закон не писан. Поплачешь исчо...

Сашка догнал подругу на поле, когда та споткнулась и плюхнулась на траву. Он подбежал и присел рядом. Нюся лежала лицом вниз, её плечи вздрагивали мелкой дрожью. Девушка всхлипывала чуть слышно.

– Нюсенька, прости. Прости меня... – Саша гладил одноклассницу по спине, пытаясь успокоить. – Енто усё Витька... Усё из-за него...

Девушка подняла голову и посмотрела на Иванова красными от слёз глазами.

– Вы же лучшие друзья... Я не ожидала такого... Вы меня напугали...

– Витька заслужил.

– Я домой хочу, – Нюся встала и отряхнула платье.

– Я тебя провожу. Можно? – Сашке было неловко за всё произошедшее. – Я завтра уезжаю, Нюся... Я буду писать тебе и ждать ответа...

– Хорошо, я напишу.

Молодые люди пошли к хате Грищенко через поле, чтобы сократить путь.

Дойдя до заднего двора, Нюся остановилась.

– Усё, дальше я сама, иди домой.

– Так не хотца расставаться, – Сашка уже заскучал по своей девушке. Он крепко обнял ее и поцеловал в губы.

– Ты шо? – Нюська отстранилась и посмотрела на ухажёра испуганными глазами. – Стыд-то какой!

Оттолкнула Сашу и побежала к дому. Сидя на завалинке, её ждала мать.

– Садися, – Мария положила руки на колени и пристально посмотрела на дочь. – Степанида приходила...

– Я её видáла, – Нюся поправила косынку на плечах.

– Скажи-ка мне, дочь, як на духу... – Маша повернулась всем телом к Нюсе. – Почём замуж собралась?

– Я? – удивилась девушка. – Не собиралася я никуда...

– Ну, как же, вона и Глашка слыхала, як Санька при всех сказал... Скажи, как есть, в подоле принесёшь?

– Мам! – Нюська вскочила с места. – Ты шо? Кто тебе такое сказал?

– Я, конечно, Степаниде верить неподвластна, но... Она гутáрить, шо усе подтвердять, шо ты с Ивановым обжимаешься...

– Мам, ну шо ты, ей-богу, нашла кого слушать... – Нюся вновь присела рядом с матерью и обняла её за плечи. – Ты мне не веришь?

– Ой, не знаю, девка... – вздохнула Маша. – Она ж прискакала, як коза, и давай мене туточки изливать, шо раз замуж, значитя, с брюхом...

– Вот зараза такая, – прошептала Нюська и выпалила. – Пуцай за Глашкой своей зыркает! Енто она у неё с пузом скоро бегать будет!

– Да ты шо? Неужто?

– Глашка мне сёдня рассказала.

– А чей же?

– Витькин.

– Ей же исчо шестнадцати нету! Ой, беда-а... – покачала головой Мария и встала с завалинки. – Пуцай сами разбираются, пошли в хату. Батька скоро приедет. Шо енто он припозднили сёдня?

На следующее утро, не успев выйти со двора, Маша встретила у своей калитки Степаниду.

– Ну-ну? – Стешка потирала руки.

– И тебе здрасте, – Манька закрыла калитку.

– Чаво молчишь-то? – не могла устоять на месте Степанида, переминаясь с ноги на ногу. – Ну, докладáй...

– Шо? Шо тебе докладáть, дура ты шо ни на есть... – улыбнулась Мария и вышла на дорогу.

Стешка вприпрыжку догнала её и дёрнула за рукав.

– Чаво скрытничаеть? Усё равно усе узнають, када пузо на нос полéзить.

– Чьё пузо? – Маша шла по дороге, улыбаясь сама себе.

– Чаво лыбиси-то? Пузо Нюськи твоей, – чётко ответила Стешка.

– Ну-ну. А Нюськи ли? – Маня загадочно посмотрела на соседку и улыбнулась ещё шире.

– Не пóняла, – Степанида округлила глаза и громко произнесла. – Не, ну вы посмотрите, люди добрые, у неё девка пóрченая, а она исчо и скалитси.

– Думай, шо брешешь! – не выдержала Маша. – Орёшь исчо на усю округу, шоб девку мою опозорить? Ты лучше прикрой своё поддувало и сляди за своей!

– Ой ли! – соседка остановилась и поставила руки на бока. – Раз уж на замужество позарилась, значитя, брюхатая! Где енто видано, шоб в шестнадцать годков...

– А в пятнадцать? – Мария перебила орущую собеседницу и прищурилась.

– В пятнадцать? Да судить надобно! Да ежели бы моя Глашенька...

– А вот теперича поди и спреси у своей честной Глашеньки! Где ж енто видано? Она, значится, мою Нюську понóсить, а о своем грехе молчком?

– Шо? – Стешка растерялась.

– Иди, говорю, и спреси, неча до моей Нюськи доколúпываться!

– Ты мою Глашку со своей распутной девкой не путай! Она у меня гордая и умная! А ты будешь внука нянкать, а Нюська твоя бестыжая никóму ненужная будеть! Ушёл Сашка в армейку, дык оттудова привезёт себе жёнку!

– Ох, и глупая же ты, Стешка, – Мария не стала больше слушать злую соседку и пошла на работу.

Нюся с раннего утра уже вовсю хлопотала на ферме. Почистила своих коров скребком, напоила, положила полóвы в кормушку. Пришло время доить. Поставив маленькую табуретку у задних ног жующей коровы, тихонечко запела песню. Так она успокаивала своих подопечных.

– Нюська! – услышала крик с другого конца фермы. – Нюська, бяги сюды!

Девушку позвала одна из доярок. Грищенко отставила ведро и побежала на зов. Она увидела, как женщины поднимают Глашку и сажают её на табуретку. Было заметно по лицу, что Трофимовой плохо – она вся побледнела.

– Нюсь, вы рядом живёте? Отведи её домой, – попросила одна из женщин.

Грищенко повела соседку домой.

– К врачу тебе надобно, – прошептала Нюся.

Медленно шли девушки до дому, переговариваясь о чём-то.

– Глашка! – это бежала Стеша, узнав, что её дочери стало плохо на ферме.

– Мать твоя, – обернулась Нюся. – Тебе надобно с ней усё обговорить.

Степанида догнала девушек и с испуганным видом стала расспрашивать дочь, что, дескать, случилось. Нюська оставила Глашку с матерью и вернулась на ферму.

Стеша довела дочь до хаты сама.

– Доча, как свечереет, дохтур придёт, – Стешка сидела на кровати и гладила дочь по плечу. – Лишь бы не хворь какая сурьёзная...

Стешка вспомнила о муже, который болел неизвестной болезнью. Тоска и страх потерять единственную дочь охватили женщину. Степанида вышла во двор, прошлась вдоль забора и остановилась у сарая. Она почувствовала, как внутри солнечного сплетения образовалась тяжесть. Дыхание перехватило. Стешка облокотилась о стенку сарая и сползла вниз.

– Боженька! Не взбирай мою Глашеньку! Молю тебя! – заплакала Степанида во весь голос. – Оста́ви дочечку мене, як же я буду без моей кровиночки... Грех на мне! Грех, ка́юси! Усё от зависти моей чёрной! Усё от неё! Любое наказание выдержу, только дочечку излечи!

Стешка сидела на земле и рыдала, хлестая себя по щекам. Потом подняла голову к небу и начала креститься, шевеля губами. Она от всего сердца молилась, стоя на коленях и читая «Отче наш».

Излив душу, Степанида встала, отряхнулась и медленно пошла в хату. Зашла в комнату, посмотрела на дочь. Глашка мирно спала, обняв подушку. Стешка улыбнулась дрожащими губами и решила сходить к знахарке Полине, чтобы та приготовила какое-нибудь снадобье для Глаши.

– Ой, девка... – протянула баба Поля, намешивая в плошке что-то. – Скока годков ей нынче?

– В декабре шестнадцать стукнет, – удивилась вопросу Стешка.

– Вот шо я тебе скажу, Трофимова, – женщина отставила плошку и взглянула на Степаниду. – Видáла я своими зыркалками, як твоя Глашка с Витькой Прошкиным по кустам скачуть... Ой, молва по всему хутору идёт, а ты как мать и не ведаешь.

– Шо? – у Степаниды вытянулось лицо. – Бреешь! Моя Глашка другая! Она...

– Сдаётся мне, тяжёлая она... – строгим голосом ответила знахарка. – Хоть лячи, хоть залячишься, но признак верный.

– Не, погóдь, баба Поля, ты спутала, верно, – лицо Стешки расплылось в улыбке. – Енто Нюська Грищенко... Правду говорю. Она ж замуж собраласи, якья вертихвостка.

– Нюська – дрища, а Глашка – кровь с молоком, да и волосья у них разныя. Спутать твою девку не можно. Да и не только я енту парочку заприметила, свидетелей пруд пруди...

– Да як же енто? – схватилась Стешка за сердце. – Ой-ой...

Степанида от волнения забыла попрощаться и выбежала на улицу. Всю дорогу она бежала до самого дома, хватаясь за голову.

– Глашка! – влетела женщина в хату, не закрыв за собой дверь. – А ну, вставай!

Глаша открыла глаза, испугавшись крика. Над ней стояла мать с обозлённым видом.

– Як давненько ты с Прошкиным путаесси?

– Мам, ты чаво? – Глаша села на кровати, прикрываясь одеялом.

– Я туточки об Нюське пякуся, а у меня дочка подолом мететь? – Степанида встала в привычную позу и слегка наклонилась. – А ну, сказывай правду, распутница!

– Да какую правду ты хочешь? – не понимала Глаша.

– Брюхатая аль не? Говóрь, как есть! Я ему, паскуднику, хату спалю начисто! Да я... я... Я к самому председателю!

Глаша опустила голову. Её глаза забегали, щёки налились румянцем. Девушка кусала губы от волнения и страха.

– Ну? Долго мне ждать? – не отставала Степанида.

– Да... – Глашка взглянула на мать испуганными глазами.

– Шо да? Ой-ой! – заголосила Стешка, хватаясь за грудь. – Стыдоба! Ну я ему чичас усё оторву начисто! Выродок треклятый! Ах, Прошкины, ну вы у мене попляшете!

– Прошкины? – Глаша подняла голову.

– А? – Степанида перестала кричать и заговорила тише. – Витька... Прошкин...

– Не он енто, наверное... – всхлипнула девушка.

– Да як же ж? А кто?

– Ванька...

– Шо за Ванька? – удивилась Стеша, опускаясь на кровать.

– Ильин... – Глаша накрыла голову одеялом и затряслась, оплакивая свою беду.

– Да ты шо? – схватилась Степанида за голову. – Шо ж ты наделала? Он же сын Кузьмы...

Степанида надумала идти к Кузьме Ильину, чтобы добиться справедливости, но, долго обдумывая, всё же решила не делать этого. Кузьма Прохорович – председатель колхоза, власть у него большая, так что не стоит кликать на себя беду. Да и доказать, что Глашка беременная от его сына, вряд ли удастся. Всё-таки, как сказала баба Полина, есть свидетели, что Глаша путалась с Витькой Прошкиным. Прослыть на весь хутор беспутницей – смерти подобно.

– Вот шо, девонька, – Стешка решила пристроить дочь. – Никóгда и никóму не трепайси, шо дитятко от Ваньки. Пушай Витькин будеть.

– Мам! – воскликнула Глаша. – Не нужон мне ребёнок!

– Замолчь! Ишь шо удумала! Ты в таком возрасти, шо не можно по повитухам скакать! Бездетной хошь остатьси? Иль хошь одна рóстить? Кóму ты нўжная будешь опосля? Ты об чём думала, када обжималася с мужиком? Иль ты не вразумеешь, откудава дитё получитси? Глупая твоя головушка! Значитса так: надавливаем на Прошкиных, женим вас, и будя делов! Никуды он от нас не денетси, пушай отвечает за свои проступки олух малолетний! Слыхивала я, шо армейка ему не светить. Батька евоный в бригадирах значитьси. Будешь ты у мене накормлена и при свёкре хорошем. Об его делишках тёмных наслыхана, так шо знаю, чем припугнуть. А тама и мне помогать будете. Заживём, Глашка, як у Христа за пазухой!

Довольная собой Стешка повязала платок на голову и ушла во двор кормить скотину.

– Здрассте-приехали, – отбросила Глашка одеяло и задумалась. – Надо было такую кашу заварить. Дура я, дура. Лучше б с Сашкой замутила, он покрасивше и покрепче. Витька – дохляк, даже морду ему набить не смог. Замуж... Какой замуж? Я молодая исчо! И дитёнок ентот... Шо я с ним делать буду? Ага, живи Глашка с Прошкиными и пахай на них... Тот мамка от их сбёгла... Теперича я за хозяйку? Обстирывай и двор мети? Влипла, как муха в навозную кучу... Ну ничего, я усё в свои руки возьму. Будет исчо ентот Витька ноги мне целовать!

Улыбнувшись, Глаша встала с кровати.

– Да и чёрт с ним! Замуж, так замуж!

Вечером в хату Трофимовых пришёл фельдшер. Степанида научила дочь, что можно говорить врачу, а что нужно скрыть, чтобы женщина в белом халате не распознала верный признак беременности. Выслушав жалобы молодой девушки, фельдшер озвучила диагноз – недомогание в связи с рёгулами.

– Поздновато, но это не первый случай, – собирала свою сумку фельдшер. – Со временем всё придёт в норму. Заваривайте чай с ромашкой, медку туды – для успокоения.

– Ага-ага, – качала головой Стешка, поглядывая на дочь. – Спасибоочки.

Проводив врача, Степанида плюхнулась на кровать Глашки.

– Ну шо, давай считать...

– Чаво исчо? – недоумевала Глаша.

– Ноченьки, – кривлялась мать, растопырив пальцы на руках. – Када с Витькой была?

– Ну, в июне...

– А ентот, второй? – загибала пальцы Стешка.

– Тожа... – неохотно пробурчала дочь.

– Угу, июль, август... – откинула голову назад Степанида, прищурив глаза. – Када поняла, шо узел завязалси?

– На днях... – Глашке был неприятен этот разговор, хотелось выбежать из дома и забыть всё это, как страшный сон.

– Значится так... Ну да... – сжала кулаки мать. – Непонятно чейный, так шо ничего страшного не произойдёт. Завтра же к бригадиру наведуясь!

С утра пораньше Стешка рванула в дом Прошкиных.

– Есть ли кто в дому? – тоненьким голоском крикнула Степанида, открывая дверь в хату.

– Ну, я тута, – вышел к гостье Витя.

– А папашка твой, поди, в хлеву колдыбаетси?

– Ну...

– Шо ну? – рыкнула Стеша. – Зови давай! Я пришла справедливость восстанавливать!

Глава 8

Три дня Глаша не появлялась на работе. Нюся решила взять на себя её коров. Она понимала, что девушке нужно отлежаться, тем более Трофимова в положении. Переливая молоко в бидон, Нюська задумалась:

«Вот бы влюбиться... Интересно же, какая она – любовь? Вон, мамка с папкой столько лет вместе. Как енто можно с одним человеком столько лет прожить? И не надоедает же? А вдруг все глаза замылит? Тогда шо?»

– Нюська!

Грищенко передёрнуло от крика за спиной.

– Будешь у меня на свадьбе песни запевать? – Глаша подбежала и шлёпнула Нюсю по плечу.

– Тьфу ты, напугала! Чаво орёшь? – Нюська почувствовала, как спину обдало жаром.

– Замуж я выхожу! – рассмеялась Глашка во всё горло.

– Да ну-у... – Нюся поставила ведро на пол. – За кого?

– Как енто за кого? За отца моего ребятёнка! – довольная Глашка закусила нижнюю губу.

– Да ты шо?

– Агась.

– Када? – Нюська не верила своим ушам.

– Через две недели!

– Так быстро?

– Ну, да, а чаво тянуть? Моя маманька говорит, шо скоро пузо усе заметють...

– А как же ты будешь одна? Витьку же в армию весной забирают?

– Ага, щас! Никуды он не пойдёт! Ой, я в ентом не разбираюсь, в общем, не пойдёт, и всё!

– Ну, поздравляю... – Нюся взяла табурет, но садиться не стала. – Не боязно тебе?

– А шо бояться? Витька у меня во, где будет! – Трофимова сжала кулак и помахала им в воздухе.

– Угу, только батька евоный злой, как стая волков, всех женщин ненавидит из-за своей жены...

– Енто мы исчо поглядим, – улыбнулась Глашка, снимая платок с головы. – Ладно, пойду свою ораву доить.

Нюся проводила взглядом Глашку и принялась за работу. Поставила табуретку, взяла ведро и запела очередную песню о любви.

*Что стоишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Головой склоняясь
До самого тына?*

*А через дорогу,
За рекой широкой,
Также одиноко
Дуб стоит высокий...*

К свадьбе своей дочери Степанида готовилась тщательно. Даже список составила всего необходимого. Уговорила будущего свата Назара Прошкина (ну, как уговорила, напомним,

что в любую секунду он может потерять хорошее место и даже сесть в тюрьму) достать деликатесы к праздничному столу.

– Назар Иванович, – вошла в хату Стешка без приглашения и сразу заняла место за столом. Положила на деревянную поверхность какую-то бумажонку и ласковым голосом заговорила. – Вот, я туточки накалякала, шо нам понадобится к свадьбе, уж будьте добреньки, достаньте. Я же знаю, шо вы усё можете...

– Ну ты и махнула, баба, – Назар взял в руки клочок бумаги. – Шпроты, колбаса... Я тебе шо, Божья манна? Сдурела?

– Ты не кобеньси, Назар Иванович, бери и делай, – с улыбкой говорила Стешка.

– Ох, и стервь же ты, Трофимова, – с прищуром взглянул на наглую женщину. – Ты и в школе ехидной была. Любыми путями девах подставляла, а парни их перед свадьбами бросали. Енто исчо Грищенко не знает, шо ты, ехидна, Гальку подвела. Как она исчо с тобой разговоры ведёт, ума не приложу...

Стешка заранее почувствовала себя родней этакого богача. Шутка ли, Назар Иванович имел бревенчатый дом, обложенный кирпичом, а не какую-то там мазанку, мотоцикл «ИЖ» и даже коня по кличке Грек, но бригадир называл его по-простому – Гришка.

Назар очень гордый и своенравный мужчина. С раннего детства отец его воспитывал в строгости, держал в ежовых рукавицах, как говорят в народе. Женился рано на местной девушке, но семейная жизнь не сложилась. Когда Витьке исполнилось два года, жена бросила семью и уехала на север с одним из местных работяг. С тех пор Прошкин не заводил ни с кем романов, воспитывал сына один и тихо ненавидел весь женский род.

– Взять бы ремня, – возмущался Назар, поглядывая на Витьку. – Каким местом ты думал, женишок? Хотя, известно, каким... Семейно заводить в таком возрасте! И шо ты будешь делать? Надо было воспитывать, як батька мой мене воспитывал: чуть шо – на горох и к стенке...

– Да ладно, бать, проживём как-нибудь... – Виктор протирает мотоцикл.

– Проживём... Вона, мамка сбёгла. Тоже рано поженились... – сетовал отец. – Один тебя рбстил...

– Бать, ладно, ты не волновайся, усё будет, как у людей. Жить будем с тобой...

Наступил день свадьбы. Застолье устроили в доме Прошкиных: места побольше, да и молодые, по старому обычаю, должны оставаться жить в доме жениха. На праздник были приглашены все соседи. Трофимова даже Гальку пригласила, которая много лет неровно дышит к Ивану Грищенко. Без приглашения не остался и председатель колхоза Кузьма Прохорович. Он явился на свадьбу с женой и сыном Ванькой.

Степанида вела себя вальяжно. Прохаживалась возле гостей и постоянно предлагала попробовать разные блюда.

– Откушайте, откушайте, гости дорогие, осетринки попробуйте. Мой сват очень постарался ради такого празднества...

– А чаво енто они такие ранние? – вели беседы женщины за столом. – Неужто Глашка с семенем?

– А скока ей?

– Да я не знаю... Но восемнадцати исчо нет – енто точно!

– Какой там! И шестнадцать поди не стукнуло...

– Ой, бабоньки... – оглядывались по сторонам соседки. – Она ж тока школу закончила... Точно! Пузо в скором времени на нос полезить, вот и свадебка...

– Свят-свят, – крестилась одна из гостей. – Исчо и года не прошло, как Порфирия схоронили, а ужо давай веселья устраивать...

– Безбожницы, ох, стыд-то какой...

Ванька Ильин посматривал на молодых искоса и не понимал, почему вдруг Глашка выбрала Витьку. Он считал Трофимову своей подругой, а тут на тебе – свадьба с другим. Потихоньку Ильин начал напиваться местной наливкой, не обращая внимания на запреты матери.

– Ваня, сынок, ты шо ж такое вытворяешь? – беспокоилась жена председателя, наблюдая, как единственный сын опрокидывает одну рюмку за другой. – Не позорь отца.

– Всё в порядке, праздник же, – нехотя улыбался Ванька.

Пришло время для песен и танцев. Парни раздвинули столы, девушки встали посередине комнаты в ожидании, когда заиграет гармонист Потап Потапыч, и Нюська запоёт песню.

*На крылечке твоём
Каждый вечер вдвоём
Мы подолгу стоим
И расстаться не можем на миг.
«До свиданья», – скажу,
Возвращусь и хожу,
До рассвета хожу
Мимо милых окошек твоих.*

*И сады, и поля,
И цветы, и земля,
И глаза голубые,
Такие родные твои,
Не от солнечных дней,
Не от теплых лучей —
Расцветают от нашей
Горячей и светлой любви.*

*Если надо пройти
Все дороги-пути,
Те, что к счастью ведут,
Я пройду, мне их век не забыть.
Я люблю тебя так,
Что не сможешь никак
Ты меня никогда,
Никогда, никогда разлюбить...*

Стоя рядом с гармонистом, Нюська заметила, как Ваня подошёл к Витьке с хмурым лицом и что-то шепнул ему на ухо, и ребята быстренько вышли на улицу. Следом из-за стола встали Лёшка Архипов и Васька Резников. Нюсе почему-то это не понравилось, но она не остановилась и продолжила петь для гостей.

Через пять минут в дом вбежал Лёшка и закричал:

– Какая ж свадьба без драки! Витьку бьют!

Гости ринулись на улицу.

Драка закончилась так же быстро, как и началась.

Пьяного Ваньку Кузьма Прохорович отправил домой, дав обещание, что серьёзно поговорит с сыном о его поведении. Витька же, умывшись под рукомойником, также пообещал в присутствии гостей, что так просто драку на его свадьбе не спустит с рук Ильина.

– Чаво не поделили-то? – шептались женщины, наблюдая, как Ваня покидает двор семьи Прошкиных, пытаясь не упасть.

– А кто ж их знает, – отвечал Лёшка. – Только вышли мы с Васькой, а энти двое давай друг дружке угрожать. Я только расслышал, как Витёк кричал: «Брехун ты, Ваню, каких поискать!»

– Да-а, дела, – подал Назар полотенце сыну. – А всё ж верная примета про драку. Значится, жить будете хорошо. А, сынок?

Хлопнул Витю по плечу и вернулся на своё место за столом.

Виктор вытер лицо, посмотрел на себя в зеркальце, висевшее над рукомойником, прищурился, потрогал нос и ухмыльнулся:

– Ага, шас, брехун и есть. Всегда мне завидовал, выродок, – бросил мокрое полотенце на кухонный стол.

Устроившись поудобнее на месте жениха, Виктор пристально посмотрел на Глашу и положил руку ей на плечо.

– Убери, – заёрзала Глашка. – Усе смотрють...

– Ой, да ладно тебе, мы ужо муж и жена, – цокнул языком Прошкин. – Чаво стесняться-то?

– Ага, смотри, как вон те бабки зыркают... – Глашка кивнула головой в сторону пожилых женщин, которые о чём-то оживлённо переговаривались и посматривали на молодых.

– Плюнь на них, и дело с концом, – Витьке было абсолютно всё равно. Он радовался тому, что хорошенько наподдал председательскому сынку, с которым с детства не заладились отношения.

Больше всех переживала Нюся. Она молча сидела за столом и смотрела то на Глашу, то на Витю. В её голове промелькнула мысль:

«Как бы Глашка выкручивалась, если бы Ваня был понапористой и рассказал всем гостям, что она предательница? Что бы тогда было? И свадьба бы сорвалась, и слава по всему хутору разлетелась бы в миг. Не дай Бог такого позора...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.